

Санкт-Петербургский государственный университет

ГНАТЧЕНКО Анастасия Игоревна

Выпускная квалификационная работа

***Визуализация «острова Скандия»: образ Скандинавии в
европейской картографии XV–XVI вв.***

Направление 46.04.01 «История»
Основная образовательная программа
магистратуры
*ВМ.5703.2019 «История и теория наций и
проблемы национализма»*

Научный руководитель:
профессор, д.и.н.
ФИЛЮШКИН Александр Ильич

Рецензент:
профессор, д.и.н.
СЕЛИН Адриан Александрович

Санкт-Петербург
2021

Оглавление

Введение	3
Глава 1. «Воображаемые» территории на ментальной карте Европы	15
1.1. «Изобретение» Севера»: трансформация понятия Север с античности до новейшего времени	15
1.2. Образ Скандии в нарративной и картографической традиции античного времени и периода раннего и высокого Средневековья	23
Глава 2. Образ Скандинавии в европейских источниках позднего Средневековья и раннего Нового времени	33
2.1. Первый вариант изображения и первая модель ментальной карты Скандии (первая половина XV в.)	33
2.2 Второй вариант изображения и второй пространственный образ полуострова (вторая половина XV в. – первая половина XVI в.)	40
2.3. Третий тип географического описания и третья модель ментальной карты (первая половина XVI в.)	52
2.4. Четвертый тип изображения и четвертый пространственный образ Скандинавии (вторая половина XVI в.)	59
2.5. Образ Скандии в «Истории северных народов» Олауса Магнуса.	76
Заключение	89
Список использованных источников и литературы	93
Приложения	108

Введение

Процессы восприятия индивидом окружающей действительности находятся в фокусе внимания многих гуманитарных наук. Как объясняет когнитивные процессы специалист в области психологии познания В. Зингер: «...наше сознание (Sinnessysteme) выбирает из широкого спектра сигналов, поступающих из окружающего мира, лишь те немногие, которые оно уже ожидает, и те, которые особенно пригодятся для того, чтобы выжить в сложном мире. Из этого немногого конструируется затем связная картина мира»¹. Таким образом, полученный образ в большей степени отражает субъективную картину мира человека, его личные ожидания и опасения, чем существующую реальность. Индивидуальное восприятие мира существует наравне с коллективными представлениями, передающими положение вещей, ценности и опасения конкретного сообщества или группы людей – некий обобщенный стереотипный образ.

Признанной теорией репрезентации пространственных знаний в сознании индивида или группы является концепция ментальной карты². Первое упоминание этого термина (kognitive Landkarte) приписывают представителю бихевиористского направления в психологии Э. Толману (1948 г.)³. Начало исследований в области взаимоотношений человека и окружающей среды относится к 1960–1970 гг. Авторитетные специалисты по этой теме Р.М. Доунз и Д. Стеа определяют ментальную, или «воображаемую» картографию как мыслительный «процесс, состоящий из серии преобразований, с помощью которых индивид собирает, хранит, вызывает в памяти и декодирует информацию об окружающем мире»⁴ и

¹ Шенк Ф.Б. Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе / пер. с нем. А. Жоровой // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. 2001. Вып. 4. С. 4.

² Там же.

³ Sudas I., Gokten C. Cognitive maps of Europe: geographical knowledge of Turkish geography students // European Journal of European Geographers. 2012. Vol. 3 (1). P. 42.

⁴ Downs R.M., Stea D. Cognitive maps and spatial behaviour: process and products // Image and environment:

«процесс действия, деятельность, которой мы занимаемся, а не объект, который у нас есть...»⁵. Второе определение подчеркивает динамичность ментальных карт, их обусловленность конкретными задачами и зависимость от мышления индивида.

Другими словами, ментальная карта – это сложный конструкт, гипотетическое мысленное представление пространства, «продукт нашего опыта, а не точной оценки»⁶. В современной научной литературе данное понятие относится как к «отражению и воссозданию пространства в мыслях»⁷, так и непосредственно «визуальному изображению индивидуальных или коллективных систем представлений о мире»⁸. Эти трактовки не противоречат друг другу, но во втором случае мысленные образы фиксируются. Специалист в области картографии Б.Б. Серапинас предлагает для первого определения употреблять термин «мысленных карт», для второго – «ментальных карт»⁹. Это мнение поддерживает М.В. Грибок, поясняя, что «под термином “ментальная карта” будет подразумеваться именно графическое изображение индивидуальных или коллективных систем представлений о мире, а под термином “мысленная карта” – образ местности, существующий только в представлении (воображении) человека или группы лиц»¹⁰.

Однако понятие «мысленных карт» не вошло в широкое

cognitive mapping and spatial behaviour / eds. Downs R., Stea D. Chicago: Adline, 1973. P. 7. [перевод мой – А.Г.].

⁵ Downs R., Stea D. Maps in minds: reflections on cognitive mapping. New York: Harper and Row, 1977. P. 6. [перевод мой – А.Г.].

⁶ Kaplan S. Cognitive maps in perception and thought // Image and environment: cognitive mapping and spatial behaviour / eds. Downs R., Stea D. Chicago: Adline, 1973. P. 76. [перевод мой – А.Г.].

⁷ Hart R.A., Moore, G.T. The Development of spatial cognition // Image and environment: cognitive mapping and spatial behaviour / eds. Downs R., Stea D. Chicago: Adline, 1973. P. 248. [перевод мой – А.Г.].

⁸ Митин И.И. Ментальные карты как инструмент комплексного культурно-географического исследования: анализ подходов // Географический вестник. 2018. N 4. С. 23.

⁹ Там же.

¹⁰ Грибок М.В. Анализ формирования образов регионов России в федеральных информационных программах телевидения с помощью ГИС: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М., 2009. С. 26.

употребление. В рамках данной работы мы будем руководствоваться следующим **определением ментальной карты: познавательные и эмоциональные представления людей о пространстве, зафиксированные изобразительно или текстуально.** Можно провести параллель между ментальной картой и понятием «воображаемого», предложенного Ж. Ле Гоффом, – одновременно продуктом культуры и исторической реальностью, порожденной фантазией¹¹.

Актуальность темы определяется перспективностью изучения ментальных карт для современной исторической науки. Помимо учета политических, экономических, культурных связей исследование общественных представлений о пространстве дает более комплексную информацию о взаимоотношении между народами в разные исторические эпохи. Анализ изображения Скандинавии на европейских картах позволяет проследить, как менялось восприятие данной территории на протяжении столетий. Особенности географического описания Скандинавского полуострова до XV в. включительно нашли отражение в работах специалистов. Таким образом, актуальность избранной темы, на наш взгляд, также связана с необходимостью рассмотреть картографическое изображение более позднего времени (XV–XVI вв.) и дать интерпретацию образа Скандинавии этого периода в европейской картографии.

Научная новизна данного исследования состоит в том, что:

1. производится систематизация карт Скандинавии XV–XVI вв. и на ее основе выделяется четыре обобщенных типа картографического изображения полуострова, доминирующих в первой половине XV в., второй половине XV в. – первой половине XVI в., первой половине XVI в., второй половине XVI столетия, соответственно;

¹¹ Джаксон Т.Н., Коновалова И.Г., Подосиновов А.В. *Imagines mundi: античность и средневековье*. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2013. С. 285.

2. реконструируется четыре модели ментальных карт (пространственных образов) Скандинавии, характерных для каждого типа;
3. рассматривается процесс трансформации представлений о «Скандии» на ментальных картах на протяжении двух столетий.

Время на рубеже эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени знаменует собой важный период в развитии географической науки. Открытие Америки явилось толчком к дальнейшему освоению новых и малоизвестных территорий, в частности Северной Европы. Эпоха великих географических открытий привела к разделению географического знания на «древнюю географию» (*vetus geographia*), основанную на авторитете античных авторов, и «новую географию» (*geographia nova*), построенную на современных данных. Обе науки одинаково признавались учеными того времени¹². Трансформация социально-культурной реальности повлекла за собой изменения в картографической науке. Получили популярность космографии – «общие описания земной поверхности»¹³, которые представляли собой своеобразные энциклопедии, включая также сведения об истории, культуре и обычаях описываемых народов. Становление искусства книгопечатания в странах Европы (вторая половина XV столетия) способствовало распространению географических знаний. Иные технологические достижения (появление новых типов парусных судов, создание приборов для наблюдений) также оказали положительное влияние на развитие картографической науки¹⁴.

Ключевым событием для западноевропейской картографии становится открытие научного наследия Клавдия Птолемея, в особенности его труда «Руководство по географии». Из всей географической литературы древности

¹² Корандей Ф.С. Введение в историческую географию. Тюмень: Издательство государственного университета, 2008. С. 11.

¹³ Мюнстер С. Описание Литвы, Самогитии, России и Московии [Электронный ресурс] / пер. Е. Замысловского // Восточная литература. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus15/Seb_Muenster/text.phtml?id=1497 (дата обращения: 03.04.2021).

¹⁴ Багров Л. История картографии / пер. с англ. Н.И. Лисовой. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. С. 78.

эта работа считается наиболее полной по объему топонимического материала, известного греческим и римским авторам. Отличие карт Птолемея от средневековых состоит в новой системе координат, когда символическая составляющая, характерная для картографии раннего и зрелого средневековья нивелируется. В качестве опорных точек выступают не сакральные топонимы и религиозные объекты, а абстрактные «физические» (полюсы, экватор, меридианы, параллели)¹⁵. Первый перевод труда позднеантичного автора на латинский язык был сделан в 1406–1407 гг.¹⁶

С открытием «Географии» связана традиция издания «объединенных» атласов, включающих в себя карты «древней» и «новой» географии. Карты сопровождаются текстами справочного характера об истории, географии, политическом и церковном устройстве отдельных регионов и стран¹⁷. Географическое руководство Птолемея не содержит карты северного региона, однако на основании его текста в «объединенных» изданиях «Географии» второй половины XV в. появляются первые подробные карты Скандинавского полуострова, прежде изображаемого в виде наброска с неоформленными внешними границами и незаполненным внутренним пространством.

В XVI в. страны Скандинавии попадают в поле внимания западноевропейских соседей, что также способствует созданию карт северного региона. В первую очередь, это связано с усилением Шведского королевства. Швеция обретает политическую независимость (распад Кальмарской унии в 1523 г.), экономическую (ослабление Ганзейского союза) и церковную (победа Реформации). Участие страны в военных конфликтах (Ливонская война, русско-шведские войны) укрепляет ее позицию на международной арене. Итак, в период с начала XV до конца XVI столетия

¹⁵ Coincidentia oppositorum: от Николая Кузанского к Николаю Бердяеву / отв. ред. О.Э. Душин. СПб: Алетей, 2010. С. 188–189.

¹⁶ Корандей Ф.С. Введение в историческую географию. С. 11.

¹⁷ Не только саги...: ранняя история Норвегии в средневековых памятниках / сост. и общ. ред. С.Ю. Агишева. СПб: Наука, 2017. С. 19.

наблюдается развитие картографии, идет процесс аккумуляции античных знаний и новых данных; возникает множество карт Скандинавского полуострова.

Таким образом, хронологические рамки исследования охватывают период двух столетий (XV–XVI вв.), что объясняется развитием географической науки в этот период времени и актуализацией создания карт северного региона.

Объектом исследования является изображение территории Скандинавского полуострова на европейских картах. В рамках данной работы Скандия или Скандза как историко-культурное понятие, используемое с античности для обозначения современной территории полуострова, и Скандинавия¹⁸ выступают синонимами. Предметом изучения является трансформация представлений о Скандинавии на протяжении двух столетий.

Исходя из этого, цель данного исследования заключается в том, чтобы проследить эволюцию образа Скандии в европейской картографической традиции XV–XVI вв. Достижение поставленной цели, на наш взгляд, возможно при условии решения следующих задач:

1. дать представление об образе Севера в европейской ментальной картине мира, его трансформации с античности до XX в.;
2. выявить идеи, формирующие образ Скандии, характерные для нарративной и картографической традиции античного времени и периода раннего и высокого Средневековья;
3. систематизировать европейские карты вышеуказанного периода, произвести их типологизацию на основе особенностей ориентации и локализации полуострова, детальности изображения и подробностей топонимики, роли мифической составляющей;

¹⁸ В нашем исследовании под этим понятием подразумеваются страны Скандинавского полуострова и Финляндия, исторически и территориально связанная с Швецией.

4. рассмотреть трансформацию, возможное влияние идей прежнего времени на образ Скандинавии в европейской картографической традиции эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени;
5. выявить новые представления о Скандии, свойственные раннему Новому времени.

Источниковую базу исследования представляют картографические источники. В общей сложности было рассмотрено около 70 карт, выпущенных на протяжении XV–XVI вв. В качестве дополнительного материала использовался нарративный источник (труд О. Магнуса «История северных народов»). Выбор источника обусловлен тем, что работа О. Магнуса была написана в качестве литературного продолжения «Морской карты» 1539 г. Данная карта послужила основой четвертого типа картографического изображения в нашем исследовании.

Методологическая основа работы определяется подходами, изложенными в работах авторитетных специалистов в области «воображаемой» географии Р.М. Доунза и Д. Стеа, Д.Б. Харли, К. Линча, Т.Ф. Сааринена, М. Монмонье. Применяются методики изучения образов путем их сравнения. Для изучения пространственных образов может использоваться широкий круг письменных и изобразительных источников. Географическая карта как отражение общественных представлений о пространстве рассматривается в качестве очевидного источника для исследования ментальных установок прошлого.

Согласно методу критического картографического анализа (critical cartography), разработанному английским историком картографии Дж. Б. Харли, карты не отражают объективную реальность, «но передают окружающий мир через призму человеческого восприятия»¹⁹. Изучение общественных представлений о мире подразумевает под собой анализ процесса коллективного осмысления и конструирования пространства. Таким

¹⁹ Harley J.B. Deconstructing the Map // Cartographica. 1989. Vol. 26 (2). P. 3. [перевод мой – А.Г.].

образом, картографическое изображение представляет собой продукт социальной традиции, или «социального видения»²⁰. Карта представляет собой «текст», требующий прочтения и интерпретации. Под «текстом» в данном случае следует понимать акт конструирования. Следовательно, географическая карта представляет собой культурный текст, использующий традиционную в определенном сообществе систему знаков.

В широком смысле все изобразительные и письменные источники воспроизводят акт риторики – направленное на потенциальную аудиторию сообщение о мире. Деконструкция подразумевает прочтение данного сообщения, а также скрытых за ним культурных смыслов. За созданием карты лежат как принятые в определенном обществе научные методы картографии, так и присущие этому обществу представления о пространстве (пространственное воображаемое), порожденные его культурными установками. Речь идет о существующих концепциях, а не о реальности. Таким образом, понимание мировоззрения конкретного сообщества позволяет распознать культурные смыслы, заложенные в изображении (например, трансляцию общественного порядка, иерархии или политического влияния). Карта одновременно транслирует и формирует ментальные установки конкретного сообщества. Смысловая наполненность картографического текста позволяет согласиться с утверждением, что «карта никогда не является нейтральной»²¹. В данной работе анализ карт направлен на выявление образа «Скандии» (субъективной реальности в представлении европейских картографов), существующего в европейской картографической традиции позднего средневековья и раннего Нового времени.

Истории освоения «неведомых земель» – как реальных, так и мифических – посвящено множество работ (Р. Хенниг²², И.П. Магидович,

²⁰ Harley J.B. Deconstructing the Map // *Cartographica*. 1989. Vol. 26 (2). P. 13. [перевод мой – А.Г.].

²¹ Ibid. [перевод мой – А.Г.].

²² Хенниг Р. Неведомые земли: в 4 т. Т. 3 / пер. с нем. А.В. Лисовской. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. 469 с.

В.И. Магидович²³, Р. Рамсей²⁴). В монографии К. Тиандера отдельно дается обзор географических открытий, сделанных скандинавами²⁵. В рамках нашей работы стоит выделить исследования, посвященные представлениям народов об окружающем мире. В трудах известного историка-медиевиста А.Я. Гуревича отражена картина мира средневекового человека Западной и Северной Европы, его отношение к основообразующим понятием (времени, смерти, пространству, религии)²⁶. Тема географических представлений европейского средневековья рассматривается в исследованиях иностранных и отечественных специалистов Дж. Райта²⁷, А.-Д. фон ден Бринкен²⁸, П. Готье-Дальше²⁹, Е.А. Мельниковой³⁰, А.А. Сванидзе³¹. Особенности пространственного восприятия древних скандинавов освещены в работах историков-скандинавистов Е.А. Мельниковой³², Т.Н. Джаксон³³. В частности, значимое внимание отводится месту Древней Руси на ментальной карте

²³ Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий: в 5 т. Т. 2. Великие географические открытия (конец XV–середина XVII в.). 3-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1983. 399 с.

²⁴ Рамсей Р. Открытия, которых никогда не было. М.: Прогресс, 1977. 210 с.

²⁵ Тиандер К.Ф. Поездки скандинавов в Белое море. М.: Вече, 2020. 400 с.

²⁶ Гуревич А.Я. Избранные труды. Древние германцы. Викинги. СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 352 с.

²⁷ Wright J. K. The Geographical Lore of the Time of the Crusades. A Study in the History of Medieval Science and Tradition in Western Europe. New York: American geographical society, 1925. 563 p.

²⁸ Brincken A.-D. v. d. Fines Terrae. Die Enden der Erde und der vierte Kontinent auf mittelalterlichen Weltkarten. Hannover: Hahnsche Buchhandlung, 1992. 243 p.

²⁹ Gautier Dalché P. Tradition et renouvellement dans la representation de l'espace géographique au IX siècle // Studi Medievali. 1983. Vol. 24. P. 121–165.

³⁰ Мельникова Е.А. «Мнимые реальности» средневековой географии // Древнейшие государства Восточной Европы: сборник / отв. ред. Т.Н. Джаксон. М.: Восточная литература, 2005. С. 151–164; Мельникова Е.А. Образ мира. Географические представления в Западной и Северной Европе. V–XIV века. М.: Янус-К, 1998. 255 с.

³¹ Сванидзе А.А. «Свой» и «чужой» в процессе общественных игр // От Средних веков к Возрождению: сб. в честь профессора Л.М. Брагиной / отв. ред. В.О. Дмитриева. СПб: Алетейя, 2003. С. 180–185.

³² Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения. М.: Наука, 1986. 229 с.

³³ Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. 2-е изд. испр. и доп. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2012. 779 с.; Джаксон Т.Н., Коновалова И.Г., Подосиновов А.В. Imagines mundi: античность и средневековье. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2013. 424 с.

Северной Европы, специфике их взаимоотношений как ближайших соседей³⁴. Множество трудов посвящено изучению исторических и современных образов Севера в литературе и культуре. В этой области можно выделить исследования исландских и канадских ученых (Д. Шартье³⁵, Л.-Е. Хамелин³⁶, Дж. Дэзи³⁷), английского ученого П. Дэвидсона о «воображаемом Севере»³⁸. Среди работ, рассматривающих историю картографического искусства, отдельное место занимает книга Л.С. Багрова, где отражены основные этапы возникновения и развития картографии с древних времен до XVIII в³⁹. Историей картографического изображения северных территорий (Гренландии, Кольского полуострова, Исландии, Туле) в западноевропейской традиции занимались скандинавские и российские исследователи А.А. Бьернбо⁴⁰, Ф. Нансен⁴¹, Х. Сигурдссон⁴², Т.Н. Джаксон⁴³. Описание раннего этапа картографирования Скандинавского полуострова (до XIII в.) дает

³⁴ Джаксон Т.Н. Древняя Русь в скандинавских письменных источниках IX–XIV вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1995. 61 с.; Джаксон Т.Н. Страна городов и ее столица: Новгород в картине мира средневековых скандинавов // *Slověne*. 2015. N 1. С. 170–179; Джаксон Т. Н. *Austr í Gørðum*: древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М.: Языки русской культуры, 2001. 208 с.; Глазырина Г.В. Исландские викингские саги о северной Руси. М.: Ладомир, 1996. 240 с.; Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи: Новые находки и интерпретации. М.: Восточная литература, 2001. 495 с.

³⁵ Chartier D. Qu'est-ce que l'imaginaire du Nord?: Principes éthiques. Isberg: Imaginaire Nord, 2018. 162 p.; Chartier D. Colours, Lights, Emptiness and Other Discursive Elements. The Colour White, a Sign of the North // *Arctic and Antarctic. International Journal of Circumpolar Sociocultural Issues*. 2007. Vol. 1 (1). P. 39–52.

³⁶ Hamelin L.-E. *Écho des pays froids*. Sainte-Foy [Québec]: Presses de l'Université Laval, 1996. 482 p.

³⁷ Désy J. *Voyage au nord du Nord*. Québec: Le Loup de Gouttière, 1993. 224 p.; Désy J. *Le coureur de froid*, Montréal: XYZ, 2001. 106 p.

³⁸ Davidson P. *The Idea of North*. London: Reaktion Books, 2005. 271 p.

³⁹ Багров Л. История картографии / пер. с англ. Н.И. Лисовой. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. 319 с.

⁴⁰ Björnbo, A.A. *Cartographia Groenlandica* // *Meddelelser om Grønland*. 1912. N 48. P. 1–332.

⁴¹ Nansen F. In Northern mists. Arctic exploration in early times: in 2 vol. Vol. 2. London: William Heinemann: MCMXI, 2008. 416 p.

⁴² Sigurdsson H. Some Landmarks in Icelandic Cartography down to the End of the Sixteenth Century // *Arctic*. 1984. Vol. 37 (4). P. 389–401.

⁴³ Джаксон Т.Н. Этот таинственный и загадочный Бьярмаланд // *Отечество. Краеведческий альманах*. М.: Профиздат, 2000. Вып. 19. С. 87–102.

Л.С. Чекин⁴⁴. Непосредственно образу Севера (Европейской России, Скандинавии и Арктики) в картографии европейского средневековья до эпохи Великих географических открытий посвящена его диссертация⁴⁵. В монографии Ф. Нансена уделено внимание картам Скандинавии (до XV в. включительно) и их более ранним прототипам⁴⁶. Множество зарубежных и отечественных исследований посвящено роли «Морской карты» О. Магнуса в изображении северных территорий, ее возможным источникам и анализу географических сведений, представленных на карте. Среди них можно выделить работы Г. Рихтера⁴⁷, Г. Берга⁴⁸, К.Н. Вальдмана⁴⁹, М.И. Белова⁵⁰, Е.А. Савельевой⁵¹.

Основные положения работы, выносимые на защиту:

1. на основе карт Скандинавии рассматриваемого периода выделяется четыре обобщенных типа картографического изображения полуострова;
2. изображение Скандинавии на картах XV–XVI вв. базируется на античной традиции;
3. идеи предыдущих эпох нашли воплощение в образе «Скандии», сконструированном картографами XV–XVI вв.;

⁴⁴ Чекин Л.С. Первые карты Скандинавского полуострова // Древнейшие государства Восточной Европы: сборник / отв. ред. Т.Н. Джаксон. М.: Восточная литература, 2001. С. 44–85.

⁴⁵ Чекин Л.С. Образ Севера в картографии европейского средневековья: автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. М., 2002. 52 с.

⁴⁶ Nansen F. P. 182–290.

⁴⁷ Richter H. Olaus Magnus Carta marina 1539. Lund: Almqvist & Wiksell, 1967. 194 p.

⁴⁸ Berg G. Olaus Magnus bilder ur de nordiska liv. // Fataburen: Nordiska museets och Skansens årsbok. Stockholm: Nordiska museets förlag, 1934. P. 29–46.

⁴⁹ Вальдман К.Н. Кольский полуостров на картах XVI в. // Известия Всесоюзного географического общества. 1962. Т. 94, вып. 2. С. 139–149.

⁵⁰ Белов М.И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. М.: Морской транспорт, 1956. 592 с.

⁵¹ Савельева Е.А. Олаус Магнус и его «История северных народов». Л.: Наука, 1983. 135 с.

4. карты Скандинавии рассматриваемого периода являются отражением мифологического сознания людей того времени, а не «географической реальностью».

Апробация результатов работы:

Апробация некоторых аспектов данного исследования осуществлялась в виде доклада на международной конференции в Исландии, Рейкьявик: The 10th Háskóli Íslands Student Conference on the Medieval North (15–17 апреля, 2021), программа конференции:
<https://histudentconference.wordpress.com/2021/03/19/conference-schedule-2021/>

Глава 1. «Воображаемые» территории на ментальной карте Европы

1.1. «Изобретение» Севера»: трансформация понятия Север с античности до новейшего времени

В контексте изучения представлений о географическом пространстве пространственная ориентация оказывается вопросом скорее философским и политическим, чем территориальным. Стороны света и регионы не являются географическими понятиями, но осмысляются в качестве ментальных конструкторов, укоренившихся в сознании людей под влиянием политических и исторических реалий. Хрестоматийным примером выступает концепция Востока Э. Саида. В своей книге «Ориентализм» 1978 г. он положил начало этому направлению, характеризуя отношение и определенную традицию взаимодействия Западной Европы с Востоком. В широком понимании под ориентализмом обозначается стиль мышления, основанный на основополагающем различии восточного и западного общества, естественном доминировании и превосходстве последнего. Восток интерпретируется как субъект приложения европейских сил: сосед, культурный соперник и союзник, потенциальная территория для освоения и завоевания; наконец, своеобразный ориентир, зеркало формирования собственной идентичности по принципу контраста.

Предложенная Э. Саидом концепция стимулировала интерес к другим «воображаемым» территориям на ментальной карте Европы (например, «Восточной Европе», «России», «Северу», «Балканам», «Юго-Восточной Азии»). Данные концепты позволяют рассмотреть, какие смыслы вкладывались в образ той или территории, служат целям самоопределения и ориентации в пространстве. Они также выступают в роли конституирующего Иного в процессе формирования европейской идентичности. Феномен Иного исключительно важен в контексте «воображаемой» географии.

Концепция «свой-чужие» играет ключевую роль в мировосприятии и самоидентификации. Осознание «своих» происходит через

противопоставление «чужим». Исторически для многих народов характерна эгоцентрическая картина мира, когда центром считалась территория обитания своего сообщества (рода, этнической группы)⁵². Центр служил ориентиром, сакральным пространством. При удалении от центра пространство теряло свои защитные функции, переходя в область «чужого» – неведомого, потенциально враждебного, хаотичного.

В разные исторические периоды и для разных сообществ в понятие воображаемого иного вкладывался различный смысл. Как правило, образы иных имели отрицательное значение. В античную эпоху в Европе существовала оппозиция «эллыны-варвары», где «варвары» воплощали народы, олицетворяющие все чуждое эллинской культуре – кочевой образ жизни, отсутствие городов и культурных маркеров греческого мира. В Средние века, когда смыслообразующее значение приобрело христианство, иной отождествлялся, в первую очередь, с иноверцем и язычником (причем нередко ставился знак равенства между «язычеством» и «варварством»)⁵³. В эпоху Просвещения иной начинает восприниматься как воплощение невежества. Цивилизованный европеец противопоставляется примитивному Дикарю. В отличие от предыдущих периодов принадлежность к другой культуре не подразумевала исключение из «цивилизованного» общества. «Они» позиционируются как будущие «мы»⁵⁴, то есть те, кого следует просвещать. Как было указано выше, оппозицию «свой-чужие» следует рассматривать в категории пространства. Представления о «своих-чужих» связаны с понятиями «близко-далеко»⁵⁵. Иные проживают за пределами известного мира, мира «своих». Из приведенных примеров ясно, что образы иных имели отрицательное значение, воплощая противоположные ценности. С другой стороны, территория иных, будучи отдаленной в пространстве, могла

⁵² Джаксон Т.Н., Коновалова И.Г., Подосинов А.В. *Imagines mundi ...* С. 17–25.

⁵³ Лучицкая С.И. *Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов*. СПб: Алетейя, 2001. С. 8.

⁵⁴ Там же. С. 10.

⁵⁵ Там же. С. 9.

восприниматься как фантастическая реальность, где обитают сказочные существа и случаются чудеса⁵⁶.

Согласно античному мировоззрению, пристанищем иных был Север – обитель «варварских народов», «народов Гога и Магога». В I в. н.э. Овидий писал о Скифии как о морозном месте, стране мрака и голода⁵⁷. Древнегреческий историк Геродот описывал дикие обычаи скифов и сарматов, живущих в области Танаиса, границы культурной ойкумены. В сочинении «Германия» Тацит употребляет слова «германцы» и «варвары» в качестве синонимов в описании германских племен, проживающих за пределами Римской империи. Впрочем, мнение римского историка о германцах амбивалентно: он также противопоставляет их ценности и моральные качества (отказ от ростовщичества, отсутствие хитрости и коварства, гостеприимство⁵⁸) нравам римлян, делая выбор в пользу первых⁵⁹. Так, образ Севера в античной традиции имеет следующие характеристики: «далекий», «холодный», «чужой», «опасный», «дикий». Обобщая, в трудах античных авторов северные земли предстают как отдаленные территории с холодным климатом, бедные природными ресурсами и населенные варварскими народами. Напротив, в рамках дуальной организации мира архаических культур Юг, как правило, отмечен положительно-сакральным значением наравне с такими элементами как верхний, правый, старший, близкий, свой, солнце, день⁶⁰. Юг воспринимался как оплот культуры, учитывая, что на географическом юге располагался Рим – центр античной цивилизации.

Положение на карте и, соответственно, идеологическое наполнение

⁵⁶ Лучицкая С.И. Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. С. 8–9.

⁵⁷ Цит. по: Iceland and images of the North / eds. S.R. Ísleifsson, D. Chartier. Québec: Presses de l'Université du Québec, 2011. P. 9.

⁵⁸ Тацит К. Сочинения в двух томах. Т. 1: Анналы. Малые произведения / пер. А.С. Бобович. Л.: Наука, 1969. С. 363–364.

⁵⁹ В данном случае следует учитывать, что античный автор скорее выступает против римских ценностей, чем поддерживает германцев.

⁶⁰ Джаксон Т.Н., Коновалова И.Г., Подосиновов А.В. *Imagines mundi* ... С. 70.

Севера и Юга меняется со временем. Так, в период Средневековья важность Средиземноморья снижается, и центр сил смещается в Европу. В античности Европа рассматривалась как географическое пространство, не имеющее политического значения. Под влиянием церкви этот термин стал символом христианского мира⁶¹. Произошло отождествление западного христианства и Европы, что способствовало формированию европейской идентичности как западной⁶². Любопытно также, что, начиная со Средневековья, в европейской традиции приобретает популярность теория климата. Французский ученый XVI в. Ж. Боден разработал идею, что страны с умеренным климатом («среднего региона»), лучше всего подходят на роль лидера⁶³. Возвышение стран Западной Европы, о которых, очевидно, идет речь в данной теории, получает идеологическое обоснование. Параллельно тому, как происходила трансформация понятия «Европа» и его корреляция с «Западом», пространственный концепт Юга постепенно терял свои позиции как оплота цивилизации, прогресса и экономического благополучия. Если в античности определение Севера распространялось на всю территорию севернее Альп⁶⁴, то расцвет Европы привел к пересмотру ментальной карты мира, и границы понятия сместились на север и восток континента. «Север» сузился до «европейского севера».

Примерно с конца Средневековья и до начала XIX столетия под «европейским севером» понимались страны Скандинавии, Россия и страны, относимые сегодня к Восточной Европе⁶⁵. В доказательство этого можно привести тот факт, что «еще в XVIII в. в немецких, английских и французских

⁶¹ Шенк Ф.Б. Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе. С. 9.

⁶² Мухаметдинов М. Р. Европы и «Запада» нет [Электронный ресурс] // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2015. N 1. С. 90.

⁶³ Stadius P. The North in European Mental Mapping Tradition // Нет Севера, а есть Севера: о многообразии понятия «Север» в Норвегии и России / под ред. К.А. Мюкленбуста и др. М.: Ленанд, 2016. С. 67.

⁶⁴ Zacharasiewicz, W. The Theory of Climate and the North in Anglophone Literatures // Images of the North. Histories – Identities – Ideas / eds. S. Jakobsson. Amsterdam; New York: Rodopi, 2009. P. 34–35.

⁶⁵ Цит. по: Iceland and images of the North. P. 11.

источниках Россия, например, причислялась не к Восточной, а к Северной Европе»⁶⁶. В этот период Север сохраняет значения «дикого», «опасного», «нецивилизованного». В XVIII–XIX вв. появляется идея «Восточной Европы»⁶⁷. По-видимому, во второй половине XIX столетия «ось воображаемой географии Европы»⁶⁸ сменяется с оппозиции Юг-Север на оппозицию Запад-Восток⁶⁹. Согласно Л. Вульфу, это произошло на столетие раньше⁷⁰. «Варварство», прежде соотносимое с Севером, стало использоваться как синоним «восточному/ориентальному». Как и в случае с Западом смена представлений произошла под влиянием политических факторов. «Настоящим» севером стали считаться страны Скандинавии⁷¹. Соответственно, ментальный конструкт Севера в XVIII–XIX вв. также подвергнулся переосмыслению.

В географических описаниях Центральной и Западной Европы XVIII в. жители севера Европы описываются как умные, возможно, грубые и прямодушные, но при этом подчеркивается, что они «очень похожи на англичан и представителей других цивилизованных наций»⁷². В XVIII в. возрастает экономическая и политическая роль северных государств на международной арене, что сказывается на положительных оценках и возрастающем интересе к региону. В частности, сыграли свою роль успехи Швеции на военном поприще и востребованность северных товаров на европейском рынке (норвежской древесины и шведского железа)⁷³.

⁶⁶ Шенк Ф.Б. Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе. С. 7.

⁶⁷ Авторитетный исследователь Восточной Европы Л. Вульф находит истоки появления этого понятия в литературе XVIII столетия. Х. Лемберг датирует возникновение концепта XIX в.

⁶⁸ Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / пер. с англ. И. Федюкина. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 6.

⁶⁹ Stadius P. The North in European Mental Mapping Tradition. С. 71.

⁷⁰ Вульф Л. Изобретая Восточную Европу ... С. 6.

⁷¹ Цит. по: Iceland and images of the North. P. 11.

⁷² Там же. P. 14. [перевод мой – А.Г.].

⁷³ Цит. по: Barton H.A. The Discovery of Norway Abroad, 1760–1905 // Scandinavian Studies. 2007. Vol. 79 (1). P. 25.

Данные процессы влияют на восприятие Севера как «прогрессивного», «выносливого» и «демократического» (в то же время Юг получает характеристики «слабого», «старомодного», «коррумпированного»). Произошла инверсия сложившегося ранее представления о Севере и Юге. Образ свободного и демократического Севера по сравнению с «рабовладельческим» Югом фигурирует у философов эпохи Просвещения. Так, Ш. де Монтескье, интерпретируя высказывания Тацита о моральном превосходстве германцев над римлянами, в трактате «О духе законов» (1748 г.) дает следующее метафорическое описание Севера: «фабрика орудий, которыми сокрушают выкованные на юге цепи»⁷⁴.

Идеология готицизма, зародившаяся в Швеции в XVI–XVII вв., вероятно, также повлияла на формирования подобных трактовок. В ее основе лежит положение о том, что жители Шведского королевства являются прямыми наследниками готских племен, завоевавших Рим⁷⁵. Данный нарратив служил цели идеологического обоснования господства Швеции над другими скандинавскими государствами. Теория получила развитие и отображение в литературе («Атлантида» О. Рудбека) и искусстве (гравюры Эрика Дальберга, портретные работы Д. Клёккер-Эренстраля). По мнению английского посла Б. Уайтлока, разделяющего идею о Швеции – родине готов, последние «были не менее цивилизованны, чем римляне, кого они завоевали, но были оклеветаны римскими историками» и «были сочувствующим народом, а не грубыми варварами»⁷⁶. «Добродетели» готов – свободолюбие, добросердечие, цивилизованность – были проецированы на народы Скандинавии. В

⁷⁴ Монтескье Ш.Л. О духе законов / пер. с англ. А. Горнфельда. М.: РИПОЛ классик, 2019. С. 260.

⁷⁵ Эта позиция была разработана Й. Магнусом в «Истории готских королей», где прослеживается происхождение готских правителей от Ноя; последним представителем династии выступает его современник, шведский король Густав Ваза (1523–1560 гг.). Опираясь на авторитет античных классиков о готах (Тацита, Плиния, Иордана), он трансформирует образ варваров в образец моральной силы и сдержанности. [Цит. по: Neville K. The land of the Goths and Vandals: the visual presentation of Gothicism at the Swedish Court, 1550–1700 // Renaissance Studies. 2013. Vol. 27 (3). P. 440].

⁷⁶ Ibid. P. 459. [перевод мой – А.Г.].

XVIII столетии англичане с гордостью отзывались о своих скандинавских корнях и полагали, что их происхождение ответственно за такие качества, как свобода, любовь к приключениям и предприимчивость⁷⁷.

Таким образом, в эпоху предромантизма складывается образ Скандинавии и, соответственно, Севера как прародины европейской свободы, развития и прогресса⁷⁸. В то же время идеи далекого «мифического Севера», «дикой, суровой северной природы», ранее служившие антитезой «положительному» средиземноморскому миру, получают иную оценку. Северная природа прославляется и романтизируется: описание темных лесов, труднодоступных гор, величественных водопадов и ледников, сурового климата теперь внушает не ужас, а восхищение.

На рубеже XIX в. образ «чужого» Севера идеализируется и вызывает живой интерес путешественников, литераторов, художников. Данные представления найдут дальнейшее воплощение в эпоху романтизма. После 1814 г., когда в Норвегии была принята конституция – первая в Европе и наиболее либеральная на тот момент, – идея «прогрессивной» Норвегии получает большую популярность, как в Швеции, так и в странах континентальной Европы⁷⁹. Помимо этого, в искусстве и литературе продолжает использоваться живописный образ природы северных стран; воспевается простая и неспешная жизнь среди природы по сравнению с суетливым ритмом городов. Необходимо также упомянуть два политико-идеологических течения, сложившиеся в XIX столетии в странах Скандинавии – нордизм и скандинавизм. Согласно Б. Хеннингсену, нордизм («Nordismus»)⁸⁰ восходит к идеям готицизма, в частности, их преломлению в «Атлантиде» О. Рудбека, где Швеция выступает прародиной не только готских народов, но

⁷⁷ Цит. по: Barton H.A. The Discovery of Norway Abroad, 1760–1905. P. 29.

⁷⁸ Ibid. P. 27.

⁷⁹ Ibid. P. 30.

⁸⁰ Henningsen B. Die schwedische Konstruktion einer nordischen Identität durch Olof Rudbeck. Berlin: Humboldt Universität, 1997. P. 36.

и западной культуры в целом. Как следствие, закрепляется особое положение Шведского королевства и стран Скандинавии под его началом на международной арене. В эпоху романтизма данное течение трансформируется в идеологию об исключительности скандинавских стран в целом. Во второй половине XIX в. – начале XX в. это представление найдет отражение в политико-культурном дискурсе стран Северной и Центральной Европы⁸¹, и получит распространение идея о расовом превосходстве германских народов.

Скандинавизм – общественное движение первой половины XIX в., направленное на политическое, культурное и лингвистическое единство скандинавских стран. Как политическая идеология оно потерпело неудачу, однако идеи об «общем культурном Севере»⁸² (общей истории и языке, культурном наследии, скандинавской мифологии) получают воплощение в литературе немецкого и скандинавского романтизма (конец XVIII в. – середина XIX в.). В этот период транслируется образ стран Скандинавии как «земли викингов», множество литературных сюжетов связано с обращением к древнескандинавской литературе (исландским сагам, преданиям и скальдическим поэмам).

В первые десятилетия XX столетия писатели отмечали высокий уровень образования и качества жизни населения стран Скандинавии. В 1905 г. Норвегия обретает суверенитет после многовековой зависимости от соседних государств – сначала в составе Кальмарской унии, потом под властью шведской короны. Становится повсеместным определение Севера как «просвещенного», «технологически развитого», «демократического» региона. Жители Северной Европы воспринимаются как энергичные и обладающие наибольшим потенциалом среди европейцев⁸³. Таким образом, к основным идеям, конструирующим образ Севера в XX в., можно отнести следующие:

⁸¹ Grace, S.E. Canada and the Idea of North. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2002. P. 96–97.

⁸² Henningsen B. Die schwedische Konstruktion einer nordischen Identität durch Olof Rudbeck. P. 10. [перевод мой – А.Г.].

⁸³ Stadius P. The North in European Mental Mapping Tradition. C. 70.

«свободный», «прогрессивный», «цивилизованный», «живописный», «исторический» (в значении прародины европейской культуры), «мифический» (литературное наследие древнескандинавской культуры). Данные характеристики, на наш взгляд, актуальны и сейчас. Сегодня это понятие также имеет дополнительные коннотации «экономически развитого» и «обладающего высоким научно-технологическим потенциалом»⁸⁴. На протяжении столетий ментальный концепт Севера претерпел значительные изменения как географически, так и идеологически. Границы понятия сузились до «европейского Севера», под которым, начиная с XVIII–XIX вв., понимались страны Скандинавии. Произошла трансформация образа: от «пристанища иных на границе ойкумены» до региона на севере Европы, которая высоко оценивает его культурный и научный потенциал. Разумеется, что трактовки, перечисленные выше, не являются исчерпывающими. Уместно привести высказывание канадского ученого Ш. Грейса о том, что «Север множественный, подвижный и приспособляющийся; представляет собой процесс, а не конечную цель или состояние»⁸⁵. Резюмируем, что конструкт Севера не сводится к одной идее, а состоит из множества «воображаемых Северов».

1.2. Образ Скандии в нарративной и картографической традиции античного времени и периода раннего и высокого Средневековья

В рамках нашей работы обратимся отдельно к образу «острова Скандии» и рассмотрим идеи, из которых складывалось это понятие в античности и средневековье. Скандия входит в семантическое поле Севера, и его характеристики в равной мере можно отнести к Скандинавии. Мы упоминали

⁸⁴Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Северные варвары и северная цивилизация // Нет Севера, а есть Севера: о многообразии понятия «Север» в Норвегии и России / под ред. К.А. Мюкленбуста и др. М.: Ленанд, 2016. С. 50.

⁸⁵ Grace, S.E. Canada and the Idea of North. P. 16. [перевод мой – А.Г.].

про коннотации инаковости и отдаленности, присущие категории Севера с античных времен. В средневековой Европе периферийные области обладали репутацией нехристианской цитадели. В пространственном восприятии северные земли имели мифологическое значение и соотносились с концом земли, откуда, по одной из версий, стоит ждать прихода апокалиптических народов Гога и Магога, ответственных за гибель человеческого рода⁸⁶. Согласно пророчеству Иеремии в переводе Иеронима, «ab Aquilone omne malum» (с лат. «все зло исходит с Севера»)⁸⁷. На европейском севере ряд средневековых картографов помещает мыс кинокефалов, песьеглавцев, причисляя их к войску данных народов⁸⁸ (рис. 1).

Согласно христианскому мировоззрению, понятие «конец земли» включает в себе как пространственный, так и временной смыслы: наступление армии Гога и Магога произойдет в конце времен. В аллегорическом понимании имена Гога и Магога не отождествляются с конкретным народом. Они трактуются как обобщенная версия врагов Церкви и спутников Антихриста, заключенных за пределами христианской ойкумены на окраине земли. Таким образом, в концепт Скандии включены соответствующие эсхатологические и антихристианские коннотации. Реальная угроза, которую несли в себе набеги скандинавов в VIII–XI вв., также наложила свой отпечаток на восприятие северных стран как потенциально опасных и неблагоприятных.

Помимо общих с Севером смыслов, понятие Скандии содержало ряд собственных идей. Раннесредневековые авторы, такие как Иордан и Павел Диакон, развивали положение о Скандзе – прародительнице германских народов («*vagina nationum*»). По мнению Г.С. Лебедева, Скандия лежит в той же сфере понятий, что и народы Гога и Магога. Если приход последних относится к эсхатологическому будущему человечества, то Скандза – «это

⁸⁶ Iceland and images of the North. P. 9.

⁸⁷ Davidson P. The Idea of North. P. 27.

⁸⁸ Чекин Л.С. Первые карты Скандинавского полуострова. С. 73.

некая точка отсчета в мифологизированном эпическом прошлом»⁸⁹. Любопытно, что, следуя данной логике, северный регион одновременно заключает в себе начало германской истории и конец истории человечества. Античные, а затем раннесредневековые ученые (Плиний Старший, Клавдий Птолемей, Этик Истрийский, Иордан, Павел Диакон) разрабатывали островную гипотезу о Скандии.

В нарративе островной образ Скандинавии пользовался популярностью. Так, в «Естественной истории» Плиния есть упоминание об островах Scadinavia (Scatinavia) и Scandiae⁹⁰. В некоторых рукописях латинского автора встречается также остров Nerigon (по мнению Гейера, речь идет о Норвегии)⁹¹. Что касается картографической традиции, то в «Географии» Птолемея, чей труд оказал столь значимое влияние на развитие картографической традиции XV–XVI вв., не содержится карты Скандинавии. Однако рисуя картину североευропейского побережья, греческий географ описывает «четыре острова с одним и тем же названием, «Скандия»⁹², самый крупный из которых, вероятно, Скандинавский полуостров⁹³. Итак, в текстах латинских классиков упоминается множество островов на севере, и Скандия – один из них. Как справедливо замечает Л.С. Чекин, «...не значит, что сведения о полуострове были недоступны средневековым авторам этих текстов – мифологические коннотации слова «остров» были для них важнее»⁹⁴. В отношении северных островов это слово относилось не только к участку суши, окруженному водой, но также имело более широкое, уже упомянутое нами в контексте описания концепта Севера, смысловое значение отдаленности и варварства. С понятием

⁸⁹ Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л.: ЛГУ, 1985. С. 12–13.

⁹⁰ Эти названия родственны хорониму Сконе, др.-исл. Skaney на юге современной Швеции, где составляющая -еу означает «остров». [Чекин Л.С. Первые карты Скандинавского полуострова. С. 49].

⁹¹ Тиандер К.Ф. Поездки скандинавов в Белое море. С. 40.

⁹² Чекин Л.С. Первые карты Скандинавского полуострова. С. 50.

⁹³ Тиандер К.Ф. Поездки скандинавов в Белое море. С. 40.

⁹⁴ Чекин Л.С. Первые карты Скандинавского полуострова. С. 85.

отдаленности также связаны представления о не изученности и, следовательно, потенциальной опасности территории. Таким образом, можем предположить, что словосочетание «Скандия – это остров на Севере» рождало в сознании людей того времени определенные ассоциации, не связанные исключительно с географическим положением Скандинавии. Несмотря на популярность островной гипотезы, уже в период раннего средневековья в картографической традиции существовала идея о полуостровном положении Скандзы⁹⁵. Сенсационное для того времени сообщение Адама Бременского (XI в.) гласит о возможности сухопутного маршрута из Швеции в Грецию. Он же называет Сконе (Sconia) «почти островом», т.е. происходит отождествление древнего топонима Scandia/Scatinavia с шведским «Сконе»⁹⁶. Столетием спустя датируется утверждение летописца датского происхождения Саксона Грамматика о том, что Норвегия и Швеция соединены с континентом узким перешейком, отделяющим Белое море от Балтийского⁹⁷. Таким образом, согласно выводам Л.С. Чекина, в эпоху раннего и высокого средневековья существовало два процесса, характеризующих представление о Скандинавии: одни авторы обращались к античному образу острова Скандия, другие не упоминали это название и описывали Норвегию и Швецию как полуостров⁹⁸. Если в нарративной традиции эти идеи развивались параллельно, то картографы того времени стремились найти компромиссное решение, сопоставляя скандинавские государства и Скандзу, когда последняя изображалась в виде полуострова.

Признанными маркерами для освоения пространства выступают топонимы⁹⁹. Примером топонимов, традиционно отмеченных по соседству с Скандинавией, выступают Туле (Фула), Бьярмаланд, Гиперборея. Согласно

⁹⁵ Чекин Л.С. Первые карты Скандинавского полуострова. С. 55.

⁹⁶ Там же. С. 55–56.

⁹⁷ Там же. С. 56.

⁹⁸ Там же. С. 57.

⁹⁹ Джаксон Т.Н., Коновалова И.Г., Подосиновов А.В. *Imagines mundi* ... С. 351.

современным представлениям, это мифические северные земли, отголосок античной традиции. Выражение *Ultima Thule* («Крайний Туле») служит символическим обозначением окраины земли, имеет поэтическую окраску¹⁰⁰. Современные исследователи отождествляют легендарный остров с Исландией, Гренландией, юго-западной частью Скандинавии (Норвегией)¹⁰¹. Обратимся к античным и раннесредневековым суждениям об этих территориях. Первым автором, оставившим заметки о Туле (*Thule insula*) на севере Европы, стал греческий путешественник Пифей (ок. 320 г. до н.э.). Подлинное сообщение Пифея не сохранилось и дошло до нашего времени в более поздней литературе¹⁰². По одной из версий, автор посетил Скандию, но Прокопий Кесарийский заменил это название на Туле; такой позиции придерживались все последователи византийской традиции¹⁰³. В сочинении древнегреческого путешественника остров выступает реальным географическим объектом, но обратим внимание на особенности описания: остров Туле «отстоит от Бреттании к северу на 6 дней морского пути...; это – «самый северный из Бреттанских островов»; он «является наиболее отдаленной страной...»¹⁰⁴. «Туле – самый дальний из островов в Океане в северных и западных водах за Британией»¹⁰⁵. Приведем также отрывок легенды на испанской карте 1086 или 1124 г.: «Фула – это некий остров за Британией в крайних пределах Океана...»¹⁰⁶. Как и в случае со Скандией, присутствуют коннотации удаленности, стремление подчеркнуть локализацию Туле на «краю земли». Также из текстов следует, что античные и раннесредневековые авторы не обладали точными сведениями о

¹⁰⁰ Тиандер К.Ф. Поездки скандинавов в Белое море. С. 35–36.

¹⁰¹ Хейвуд Дж. Люди Севера: История викингов, 793–1241. М.: Альпина нон-фикшн, 2019. С. 29–30; Рамсей Р. Открытия, которых никогда не было. С. 25; Джаксон Т.Н., Коновалова И.Г., Подосиновов А.В. *Imagines mundi ...* С. 354.

¹⁰² Джаксон Т.Н., Коновалова И.Г., Подосиновов А.В. *Imagines mundi ...* С. 354.

¹⁰³ Чекин Л.С. Первые карты Скандинавского полуострова. С. 51.

¹⁰⁴ Джаксон Т.Н., Коновалова И.Г., Подосиновов А.В. *Imagines mundi ...* С. 354.

¹⁰⁵ Мельникова Е.А. Образ мира. С. 103.

¹⁰⁶ Чекин Л.С. Первые карты Скандинавского полуострова. С. 52.

местоположении острова, помещая его к северо-западу от Британских островов. Клавдий Птолемей изображает «плавающий остров»¹⁰⁷ среди островов Шетландского архипелага¹⁰⁸.

Уже в древности ставится под сомнение сам факт существования Туле; однозначного ответа, какому именно острову Пифей присвоил это название, не было. В I в. Вергилий впервые использует выражение «Крайний Туле», которое можно интерпретировать как символическое олицетворение таинственного Севера, очень далекой полумифической страны.

В период раннего и высокого средневековья авторы скандинавского круга развивали идею о тождестве Туле и Исландии (Адам Бременский, Саксон Грамматик)¹⁰⁹. Эта позиция не нашла широкой поддержки среди авторов материковой Европы, где придерживались мнения о легендарном происхождении острова либо его расположении далеко на севере (Гиральд Камбрейский)¹¹⁰. На средневековых картах Туле и Исландия были представлены как два разных острова. Итак, «по мере расширения географических знаний о северных территориях (освоение Исландии, открытие Гренландии) остров был «обречен» смещаться за уже известные земли»¹¹¹, став символом дальних и неисследованных территорий. Однако еще сохранялись представления, что легендарный остров будет найден. На наш взгляд, ключевые особенности Туле в понимании античных и средневековых ученых – это удаленность от знакомых мест, связанная с этим инаковость, и полумифический статус острова.

В отличие от Фулы, в основе представлений о Гиперборее (с др.-греч. буквально – «за Бореем», «за северным ветром») лежит древнегреческая легенда о северной стране на крайнем севере, где обитает счастливый народ,

¹⁰⁷ Джаксон Т.Н., Коновалова И.Г., Подосинов А.В. *Imagines mundi* ... С. 353.

¹⁰⁸ Sigurdsson H. *Some Landmarks in Icelandic Cartography down to the End of the Sixteenth Century*. P. 397.

¹⁰⁹ Джаксон Т.Н., Коновалова И.Г., Подосинов А.В. *Imagines mundi* ... С. 357.

¹¹⁰ Там же. С. 361.

¹¹¹ Там же. С. 355.

любимый богами. Локализация этнонима варьируется от Кольского полуострова и Карелии до Гренландии – постоянным остается представление о месте обитания гиперборейцев на «окраине земли». По мнению Адама Бременского, «гипербореи – это античное название... датчан, шведов и других народов за Данией»¹¹².

Итак, отличительной характеристикой Гипербореи, как и Туле, является ее местоположение на краю обитаемого мира, где живут иные. Единственным элементом физической географии страны, упомянутом в греческих источниках, являются Рипейские (Рифейские) горы, «расположенные на северо-востоке, севере или северо-западе»¹¹³. Когда садится солнце, они укрывают его, и все тепло сохраняется на севере¹¹⁴. Топографические маркеры, связанные с этой территорией (Рипейские горы, Гиперборейский океан¹¹⁵), приобретают значение инаковости.

Если Туле и Гиперборея – северные «окраинные» территории в картине мира западноевропейского Средневековья, то Бьярмия олицетворяет собой идею Крайнего Севера для древних скандинавов. Бьярмия, или Бьярмаланд (норв. Bjarmeland) – «северная граница обитаемого мира»¹¹⁶, полуфантастическая страна, упоминаемая в скандинавских сагах, рассказах Саксона Грамматика и Снорри Стурлусона. Следуя предположению Е.А. Мельниковой, данное название использовалось для обширного региона на севере Скандинавского полуострова, в частности, той его части, где проживают финноязычные народы¹¹⁷. В пользу данного мнения выступает тот факт, что Биармию размещают в разных точках северо-восточной Европы.

¹¹²Цит. по: Чекин Л.С. Картография христианского средневековья. VIII–XIII вв. М.: Восточная литература, 1999. С. 207.

¹¹³ Davidson P. The Idea of North. P. 23. [перевод мой – А.Г.].

¹¹⁴ Ibid.

¹¹⁵ Вероятно, это отсылка к античным авторам, называющим Северный Ледовитый океан Гиперборейским, или Кроновым морем. [Зябловский Е.Ф. Новейшее землеописание Российской империи. СПб: в Типографии И. Глазунова, 1818. С. 5.].

¹¹⁶ Мельникова Е.А. Образ мира. С. 202.

¹¹⁷ Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения. С. 199.

Наиболее распространенными локациями выступают Кольский полуостров, Северное Приладожье и Карелия, Прикамье, побережье Белого моря и территория проживания заволжской чуди¹¹⁸. Специалист по истории Скандинавских стран К.Ф. Тиандер отождествляет Бьярмаланд с Пермью¹¹⁹.

Описание Биармии изобилует мифологическими, а не реальными элементами: согласно сагам, это страна, богатая серебром и драгоценными украшениями; там обитают великаны. Текст коррелирует с представлениями скандинавов о Крайнем Севере – месте действия преданий и волшебных сказаний. Вместе с тем, королевские саги повествуют о Бьярмаланде как «северном царстве языческого колдовства и магии»¹²⁰. Подобные описания способствуют восприятию данной территории как обители иных. Благодаря сагам, уже в раннем средневековье формируется определенный литературный образ этого места, и Бьярмия воспринимается в качестве фантастической земли. Как и предыдущие топонимы, Бьярмаланд, локализуется за пределами исследованного мира, на территории сказок и легенд. В качестве иных выступает «счастливый народ», великаны или язычники-колдуны. Таким образом, на наш взгляд, размещение легендарных топонимов (на примере Туле, Гипербореи, Биармии) поблизости от Скандинавского полуострова служит признаком инаковости «Скандии» в понимании авторов античной и средневековой времени.

Итак, начиная с античности в нарративной и картографической традиции складывается ряд идей, формирующих образ Скандинавии. Условно определим их следующим образом: Скандия – прародительница германских народов; варварская/нехристианская обитель; территория иных на краю земли; направление, соотносимое с концом света. Первая из них была больше

¹¹⁸ Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения. С. 197.

¹¹⁹ К.Ф. Тиандер дает лингвистическое обоснование единства происхождения двух названий [Тиандер К.Ф. Поездки скандинавов в Белое море. С. 62–67]. Однако с наибольшей вероятностью этноним *bjarmar* происходит от прибалтийско-финского *regamaa* «задняя земля, земля за рубежом» [Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения. С. 200].

¹²⁰ Джаксон Т.Н., Коновалова И.Г., Подосинов А.В. *Imagines mundi* ... С. 370.

характерна для литературных сюжетов. Три последних представления пересекаются между собой. Так, понятие иного, согласно средневековому христианскому мировоззрению, прежде всего соотносится с «нехристом»¹²¹, а значит потенциально опасным, т.е. имеет негативные характеристики. С другой стороны, «территория иных» имеет значение «другого мира» – отличного от повседневной действительности, где обитают сказочные существа и добрые дикари¹²².

На картах данные идеи, как правило, находят воплощение в островной гипотезе (упомянутые значения острова как «далекого», «варварского» и «опасного»), изображении легендарных топонимов в Северной Европе и соответствующих легендах, дополняющих картографическое изображение. Раннесредневековые карты также демонстрируют представление о полуостровном положении Скандии, сложившееся в качестве компромисса между античными взглядами и новыми географическими знаниями. В следующей главе мы рассмотрим, нашли ли вышеперечисленные идеи отражение в картографической традиции изображения Скандинавии периода позднего средневековья и раннего Нового времени.

¹²¹ Лучицкая С.И. Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. С. 8.

¹²² Там же. С. 9.

Рис. 1. Херефордская карта мира, XIII в.
 URL: <https://www.themappamundi.co.uk/mappa-mundi/>

Глава 2. Образ Скандинавии в европейских источниках позднего Средневековья и раннего Нового времени

«География – око истории»¹²³

На основе проведенного анализа европейских карт мы выделили четыре обобщенных типа географического описания полуострова, сложившихся в период с начала XV до конца XVI столетия. В основе типологии лежат особенности ориентации и локализации Скандинавии, детальность изображения и подробности топонимики, роль мифической составляющей. Каждый вариант изображения доминирует в картографической традиции в определенный период времени: первой половине XV в., второй половине XV в. – первой половине XVI в., первой половине XVI в., второй половине XVI в. Соответственно, можно выделить четыре пространственных образа Скандии, характерных для каждого промежутка времени. Разумеется, такое деление условно, так как представления о Скандинавии меняются постепенно на протяжении двух столетий. В заключительной части главы подведены итоги трансформации образа «Скандии» в рассматриваемый промежуток времени.

Отметим также, что отдельные карты не всегда соответствуют господствующей на момент их появления картографической традиции изображения полуострова. Первостепенную роль играет личностный фактор – степень информированности картографа о регионе, источники, которыми он руководствовался при создании карты. Наконец, некоторые авторы издают несколько вариантов карт региона, восходящих к разным традициям географического описания Скандинавии.

2.1. Первый вариант изображения и первая модель ментальной карты Скандии (первая половина XV в.)

Первый тип изображений Скандинавского полуострова представлен

¹²³ Эта фраза («Historiae oculus geographia») указана на титульном листе атласа А. Ортелиуса «Theatrum Orbis Terrarum», 1570.

модифицированной и более подробной версией средневековых *mappa mundi* («карт мира»), отражающих космологические и эсхатологические представления о регионе. Легенда дает описание природных условий, животного мира (вымышленного и реального) и общее впечатление о территории. Для карт подобного типа географические особенности, точность береговой линии вторичны. Однако территория континентальной Европы описана более подробно¹²⁴. Как известно, на начало рассматриваемого периода и вплоть до середины XVI в. регион Северной Атлантики не был полностью исследован¹²⁵. Скандинавия находилась на окраине Европы – если не географически, то ментально – на территории мифов и легенд.

Итак, в первой модели Скандинавия представлена схематично, не имеет четких береговых границ и содержит мало топографических деталей. Образ воплощает сложившуюся ранее идею о Скандии как «территории иных на краю света»: здесь обитают демоны-тролли, поблизости отмечены Туле и Рипейские горы, соседние земли полны опасностей – там можно встретить грифонов и язычников. Скудность географического описания также придает загадочности, опасности и оставляет простор для воображения. Описание суровых климатических условий, близость к Северному полюсу создает соответствующее впечатление о территории, где все «иначе». В то же время, как мы предполагаем, что Север на данном этапе географического описания перестает ассоциироваться с «нехристианской обителью» (маркеры христианства на некоторых картах) (рис. 2)¹²⁶. Происходит «морально-религиозная трансформация пространства»¹²⁷. Скандинавия изображается в виде полуострова, однако на некоторых картах, по нашему мнению, представлены одновременно островная и полуостровная теории.

Первое, что отличает изображения данного типа, это достаточно

¹²⁴ Andrea Bianco's World Map, 1436; Borgia mappa mundi, XV century; Fra Mauro's Mappamundi, 1459.

¹²⁵ Sigurdsson H. Some Landmarks in Icelandic Cartography down to the End of the Sixteenth Century. P. 400.

¹²⁶ Borgia mappa mundi, XV century.

¹²⁷ Лучицкая С.И. Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. С. 9.

правильная локализация Скандинавского полуострова. Он присоединен к европейскому материку и простирается с запада на восток. Для ряда карт этой модели характерна верная ориентация полуострова – с севера-востока на юг, что можно считать новаторством по сравнению с более поздними и популярными изображениями Скандинавии. Очертания береговой линии приблизительные. В основном на территорию полуострова нанесены легенды Швеции/Готии и Норвегии: *Gothia Magna* и **Noruegie*¹²⁸; *Gothia* и **Norvegia*¹²⁹; *Noruega* и *Sueda*¹³⁰. Территория Швеции иногда изображается отдельно: остров *Suesia* вытянут с запада на восток и помещен южнее *latissimu regni norwegia* («Великое королевство Норвегия»)¹³¹; остров *Gotia* к юго-востоку от полуострова *Norvegia*¹³². Предположим, что название «Норвегия» в данном случае синонимично всей территории Скандинавского полуострова¹³³. Вероятно также, что это разновидность синтеза островной и полуостровной гипотезы о Скандинавии, когда Норвегия-Скандия изображена в виде полуострова, а Швеция представлена как остров. Наименования «Готия» и «Швеция» встречаются с одинаковой частотностью и заменяют друг друга¹³⁴. На карте мира Фра Мауро появляется легенда *Fillandia* на юге полуострова.

К особенностям первого варианта изображения относится отсутствие связи с Гренландией. Это важно отметить, так как на многих картах XV–XVI столетия Скандинавский полуостров и Гренландия соединены узким перешейком. Считается, что первым, кто нанес легенду Гренландии на карту,

¹²⁸ Borgia mappa mundi, XV century.

¹²⁹ Pirrus de Noha World Map, 1414 (?).

¹³⁰ Andrea Bianco's World Map, 1436.

¹³¹ Andreas Walsperger's mappa mundi, 1448.

¹³² Laon globe, 1493.

¹³³ О вероятности идентификации Скандзы и полуострова Норвегия на раннесредневековых картах пишет Л.С. Чекин [Чекин Л.С. Первые карты Скандинавского полуострова. С. 85].

¹³⁴ Исторически разделение территории современной Швеции на Свеаланд, Ёталанд (Гёталанд) и Готланд восходит к основному расселению племенных групп – свеев в центре, ётов (гётов) на юге и гутов на острове Готланд, соответственно. [История Европы: в 8 т. Т. 2. Средневековая Европа. М.: Наука, 1992. С. 172; Сванидзе А.А. Викинги – люди саги: жизнь и нравы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 384].

был датский картограф Клавдий Клавус¹³⁵ в 1427 г.¹³⁶. На картах данного типа Гренландия не представлена, либо она расположена севернее полуострова¹³⁷. По мнению И. Лелевеля, на Генуэзской карте мира¹³⁸ к северу от Скандинавии на одном из островов можно прочесть «Grinland», однако оригинал карты был сильно поврежден, поэтому наличие Гренландии остается лишь версией¹³⁹.

Топонимы Скандинавии отсутствуют, либо их число незначительно: **Yflandia* («Уппланд»), *promontola norveianas* («Скандинавские горы»)¹⁴⁰. Изображенные крепости и реки не имеют легенды. Справедливо заметить, что средневековые карты мира содержат меньше деталей, чем региональные. Однако, как уже было сказано, материковая Европа представлена подробнее. Следует выделить изображение Скандинавии на карте Фра Мауро, где число топонимов больше, чем на остальных картах этого типа, но меньше, чем на территории остальной Европы. Все водоемы и населенные пункты имеют наименования, среди которых можно выделить *Bergen* (Берген) в Норвегии и *Abo* (Турку) в Финляндии. На юге Швеции можно идентифицировать топоним *Ischania*, который, по-видимому, соответствует шведской провинции Сконе. Отметим также, что на карте зафиксировано несколько названий, предположительно относящихся к Исландии: на западном побережье Норвегии указана легенда *Islant*, один из островов к западу от Норвегии имеет легенду **Isola di gLaza* («царство льда»); наконец, второе наименование Дании – ***Isola islandia*. Любопытно, что к северо-западу от Норвегии отмечен остров под названием **Scandinabia*. Некоторые авторы изображают в Балтийском море остров Готланд – достаточно правильной формы и верного

¹³⁵ Клавдий Клауссон Сварт (Клавдий Черный, сын Клауса) – датский картограф, принявший латинизированное имя Клавдий Клавус.

¹³⁶ Nansen F. In Northern mists ... С. 248.; Тиандер К.Ф. Поездки скандинавов в Белое море. С. 99.

¹³⁷ Laon globe, 1493.

¹³⁸ Genoese mappa mundi, 1447, 1457 (?).

¹³⁹ Цит. по: Nansen F. In Northern mists ... С. 286–287.

¹⁴⁰ Andreas Walsperger's mappa mundi, 1448.

расположения по отношению к Скандинавии¹⁴¹. Смещение реальных и вымышленных топонимов свидетельствует о слабом знании географии полуострова. Размещение множество безымянных островов и полуостровов у побережья Скандинавии подтверждает это положение¹⁴².

Недостаток географической информации восполняется наличием легенды (авторского текста) на полях либо свободном пространстве карты. Легенда как «голос автора» дает характеристику региона – описание географии, истории и нравов жителей. Так, о Норвегии и Швеции сказано: *«Норвегия – очень обширная провинция, окруженная морем и соединенная со Швецией. Здесь ни производят ни вина, ни масла, а люди крепкие, сильные и высокого роста. Точно также в Светии люди очень жестокие, и, по мнению некоторых, Юлий Цезарь не стремился встретиться с ними в бою. Точно также эти люди были большим недугом для Европы; и во времена Александра греки не имели смелости подчинить их. Но теперь они значительно уменьшились и не имеют прежней репутации. Говорят, здесь тело Св. Бриджита, который, по мнению некоторых, родом из Светии. Также сказано, что есть много новых видов животных, особенно огромных белых медведей и других диких животных».* «Отметим, что именно из этого места (Швеции) произошли лангобарды...»¹⁴³. *«Здесь обитают медведи и белые соколы...»* – описание на картах может сопровождаться изображениями животных, например, белого медведя¹⁴⁴. Миниатюры церквей служат маркером христианской веры на данной территории в отличие, например, от соседних земель севера России, представленных как прибежище язычества: лев и грифон расположены по соседству с местным жителем, приносящем в жертву человеческую голову¹⁴⁵ (рис. 2). Видимо земли, «очищенные

¹⁴¹ Pirrus de Noha World Map, 1414 (?); Andreas Walsperger's mappa mundi, 1448; Fra Mauro's Mappamundi, 1459.

¹⁴² Fra Mauro's Mappamundi, 1459; Genoese mappa mundi, 1447, 1457 (?).

¹⁴³ Fra Mauro's Mappamundi, 1459. [перевод мой – А.Г.].

¹⁴⁴ Borgia mappa mundi, XV century; Genoese mappa mundi, 1447, 1457 (?). [перевод мой – А.Г.].

¹⁴⁵ Borgia mappa mundi, XV century.

проповедью католической веры»¹⁴⁶, освобождаются от подозрений в языческих обрядах.

В то же время север Европы традиционно трактуется как территория «иных». Картографы справедливо отмечают особенности погодных условий Скандинавии: *«значительная часть Норвегии необитаема из-за сильных холодов»* и *«этот регион горный и необитаемый из-за сильных холодов, потому что он расположен под Северным полюсом»*¹⁴⁷. Суровость климата на полуострове и близость к Северному полюсу влияет на восприятие региона как опасного, непригодного для жизни, где даже демоны на службе у людей. Так, на карте А. Вальспергера к северо-востоку от Норвегии мы читаем: **здесь под Северным полюсом земля непригодна для проживания из-за чрезмерного холода, который вызывает постоянные морозы...»*; на крайнем севере океана, недалеко от полюса, написано: ***Ад находится в сердце или чреве земли по мнению ученых»*.

В другой легенде по кругу карты идет речь о том, что *«Здесь демоны часто проявляют себя в человеческом облике и служат людям, и их называют троллями»*. Изображение существа, пожирающего человека, сопровождает эту надпись. Возникает ассоциативная цепочка между сильными холодами в Скандинавии, адом в районе Северного полюса и демонами в людском обличье. Таким образом, мифологическая составляющая является значимой частью карт первого типа. Так, средневековая легенда о магнитной горе, которая притягивает железо и губит корабли, нашла отражение в легенде Скандинавского полуострова. Европейцы традиционно искали гору на севере¹⁴⁸.

¹⁴⁶ Цит. по: Rolley de T.M. Putting the Devil on the map: Demonology and Cosmography in the Renaissance // Boundaries, extents, and circulations: Space and spatiality in early modern philosophy / eds. K. Vermeir, J. Regier. 1st ed. Cham: Springer, 2016. P. 193. [перевод мой – А.Г.].

¹⁴⁷ Borgia mappa mundi, XV century; Genoese mappa mundi, 1447, 1457 (?). [перевод мой – А.Г.].

¹⁴⁸ Месторасположение горы связано с тем, что компасная стрелка жителей Северной и Западной Европы указывает на север. [Хенниг Р. Неведомые земли. С. 309].

К северо-западу от Норвегии есть надпись: «В этом великом море нет парусного спорта из-за магнитов»¹⁴⁹. У Фра Мауро в северной части Балтийского моря есть примечание о том, что «на этом море использование компаса неизвестно»¹⁵⁰. Возможно данное замечание также связано с легендой о магнитной горе. Упоминание камня-магнита и магнитных островов еще встретится на картах более позднего периода. Размещение легендарного острова Туле к западу от Норвегии и загадочных Рипейских гор к востоку от полуострова на карте Мауро также помещает северные земли на пограничную территорию между мифом и реальностью.

Изображения первого типа в основном характерны для карт первой половины XV столетия, когда более детальная версия северного региона Клавдия Сварта не была широко известна. Недостаток географического описания полуострова восполняется наличием легенды (авторского текста), иконографическими деталями, смешением реальных и вымышленных топонимов. Мифические элементы карты являются частью общего традиционного представления о странах Северной Европы и признаются существующими, пока не будет доказано обратное.

Рис. 2. Borgia mappa mundi, XV century.

Фрагмент карты с изображением Скандинавского полуострова.

URL: <https://connectingcollections-manmel.com/borgia-mappa-mundi/>

¹⁴⁹ Andreas Walsperger's mappa mundi, 1448. [перевод мой – А.Г.].

¹⁵⁰ Fra Mauro's Mappamundi, 1459. [перевод мой – А.Г.].

2.2 Второй вариант изображения и второй пространственный образ полуострова (вторая половина XV в. – первая половина XVI в.)

Вторая модель отражает начало восприятия Скандии как геополитического пространства на севере Европы (связь с Данией, увеличение числа топонимов, фиксация названий некоторых шведских провинций, более четкая береговая линия). Взаимодействие с Данией (принадлежность южных провинций Швеции Датскому королевству и союз трех государств под властью датской короны) транслируется при помощи легенды Дании на юге полуострова и иконографических символов (изображение датских гербов). Идея «территории иных» сохраняется, о чем свидетельствуют легенды о грифонах и пигмеях в Скандинавии; остров Туле изображается к юго-западу от Скандинавского полуострова и фактически выглядит его частью. Связь с Гипербореей (Гиперборейский океан, остров Гиперборея) также служит маркером инаковости и конца света в пространственном смысле. На картах получают отображение культовые места паломничества, что свидетельствует о том, что идея о Скандинавии как о «нехристианском форпосте» больше не имеет прежней силы. Во второй модели, вероятно, представлен компромисс между островной и полуостровной гипотезами (перешеек, соединяющий группу островов с материком и Гренландией)¹⁵¹.

Во втором варианте изображения пространственная ориентация «Скандии» остается прежней: Скандинавский полуостров простирается с запада на восток. Отличительной чертой является наличие узкого перешейка, соединяющего Скандинавию с континентом и Гренландией на севере-востоке полуострова. Можно выделить несколько вариаций положения Гренландии. В первом случае Гренландия размещена севернее или северо-восточнее Скандинавии и простирается далеко на запад¹⁵². Существуют изображения, где

¹⁵¹ Чекин Л.С. Образ Севера в картографии европейского средневековья. С. 39.

¹⁵² Tabu. Nova Orbis (Laurent Fries, 1522), Orbis typus universalis iuxta hydrographorum traditionem ex actissime depicta (Martin Waldseemüller, 1522).

Гренландский полуостров не заходит западнее Скандинавского¹⁵³. На так называемой старшей карте Севера Клавдия Клавуса¹⁵⁴ Гренландия базируется к западу от Скандинавии, и соединяющий их перешеек тянется с запада на восток. На портолане Кантино¹⁵⁵ положение Гренландии отмечено достаточно правильно: остров локализован на северо-западе от Скандинавии (его южная точка лежит примерно на 62° 20' северной широты)¹⁵⁶.

Любопытный вариант объединения Гренландии и Лапландии представлен на глобусе М. Бехайма¹⁵⁷. Гренландско-Лапландский полуостров (надписи **Groanlad* на юго-западе и **wildt Lapplant lant*)¹⁵⁸ образует единую территорию с европейским континентом, соединяясь на северо-востоке пешеходным мостом со Скандинавией. Связующее звено между Гренландией и полуостровом имеет легенду «*Gostland*». В атласе Миллера (1519 г.) острова Скандинавии соединены перешейком с полуостровом, локализованным на севере и имеющим легенду *Obscura*.

На карте мира Й. Рюйша¹⁵⁹ полуостров соединен ледяным мостом с одним из островов Гипербореи (*Hyperborei Evrope*). Вероятно, что этот остров — Гренландия. В пользу этой версии свидетельствует надпись *Pilapelast* («земля диких лопарей»), преимущественно изображаемая на перешейке между Гренландией и Скандинавией (об этом далее). Неясно взаиморасположение Гренландии и Скандинавского полуострова на карте

¹⁵³ Tabula moderna Prussie, Livonie, Norbegie et Gottie (Nicolaus Donnus Germanus, 1482); Tabula Moderna Norbegie Et Gottie (Martin Waldseemüller, 1541); Tab Nova Nor & Goti (Laurent Fries, 1522); King-Hamy world map (Caveri (Canerio) N.? Vespucci A.? about 1502); Terra de lavoratore (Bordon Benedetto, 1537).

¹⁵⁴ [The Nancy map] Europe Tabula XI (Clavus Claudius, 1426). Первая карта северных стран К. Клавуса. Годы создания: между 1424 и 1427 гг. Ее обычно называют картой Нэнси по месту переиздания в 1835. [Nansen F. In Northern mists ... P. 250].

¹⁵⁵ Cantino World Map, 1502.

¹⁵⁶ Nansen F. In Northern mists ... P. 371.

¹⁵⁷ Behaim's globe, 1492.

¹⁵⁸ Германизированные латинские формы «*Engroneland*» и «*Pilappeland*» («Гренландия» и «земля диких лапландцев»).

¹⁵⁹ Universalior cogniti orbis tabula, ex recentibus confecta observationibus (Johannes Ruysch, 1507).

Северной и Центральной Европы¹⁶⁰. Здесь перешеек, соединяющий полуостров и европейский материк, имеет надпись «Grunland»¹⁶¹. Карта не захватывает пространство севернее Скандинавского полуострова и, таким образом, непонятно: является ли по замыслу автора Grunland продолжением Гренландии или это отдельная территория¹⁶².

Данный тип изображения полуострова представлен как мировыми, так и региональными картами. Последние отличаются сложным рисунком береговой линии, побережье Норвегии изрезано фьордами. Легенда Норвегии нанесена на все карты мира: *Norvegia, Norbegia, Noruegia, Nordwege*¹⁶³. Шведское королевство отмечено как *Suetica Regio, Sweden, Suede, Suecia*¹⁶⁴. На ряде карт территория страны дополнительно разделена на Швецию и Готию, что указывает на исторические регионы Свеаланд («Земля свеев») и Гёталанд («Земля гётов») в центре и на юге государства, о чем мы уже упоминали¹⁶⁵. «Государство свеев» (шв. Sverige) в центральной Швеции стало ядром древнешведского государства, и это обусловило будущее название страны¹⁶⁶. Примечательно, что, на наш взгляд, легенды *Gotia* и **Livotnia* (?) на карте мира М. Вальдсмюллера 1522 г.¹⁶⁷ перепутаны местами: Готия граничит с Данией и Пруссией, Ливония изображена на юге Скандинавии. Геополитическое

¹⁶⁰ [untitled, Northern and Central Europe] (Hartmann Schedel ? Hieronymus Münzer ? 1493).

¹⁶¹ Существует множество вариантов написания транскрипции Гренландии, где первая гласная «o», «oe», «i», «u».

¹⁶² Обручев С.В. Русские поморы на Шпицбергене. М.: Наука, 1964. С. 122.

¹⁶³ King-Hamy world map (Caveri (Canerio) N.? Vespucci A.? about 1502); Tabu. Nova Orbis (Laurent Fries, 1522); Orbis typus universalis iuxta hydrographorum traditionem ex actissime depicta (Martin Waldseemüller, 1522); Behaim's globe, 1492.

¹⁶⁴ [The Nancy map] Europe Tabula XI (Clavus Claudius, 1426); [untitled, Northern and Central Europe] (Hartmann Schedel ? Hieronymus Münzer ? 1493); Behaim's globe, 1492; Tabu. Nova Orbis (Laurent Fries, 1522).

¹⁶⁵ Tabula moderna Prussie, Livonie, Norbegie et Gottie (Nicolaus Donnus Germanus, 1482); Tabu. Nova Orbis (Laurent Fries, 1522).

¹⁶⁶ История Европы. С. 188; Сванидзе А.А. Викинги – люди саги: жизнь и нравы. С. 504.

¹⁶⁷ Orbis typus universalis iuxta hydrographorum traditionem ex actissime depicta (Martin Waldseemüller, 1522).

деление территории полуострова на Норвегию, Швецию и датские владения¹⁶⁸ также получает отображение на некоторых картах: *Noruegica Regio*, *Suetica Regio*, *Danorum Regio*¹⁶⁹; *Norbergia*, *Suecia*, *Gotha*, *Dacia*¹⁷⁰; *Noruegia*, *Suetia*, *Datia*¹⁷¹.

С появлением региональных карт севера распространяется более подробный вариант географического описания Скандинавского полуострова. Его прообразом служит вторая (младшая) карта северных стран Клавдия Клавуса (между 1425 и 1439 гг.)¹⁷². Создание карты связано с переводом «Географии» Клавдия Птолемея на латинский язык в первой половине XV в. Под влиянием географических представлений позднеантичного ученого датский картограф создает две карты северных стран – уже упомянутую старшую карту и младшую. Островная гипотеза о Скандинавии получает отображение на младшей карте К. Клавуса. Оформление северного региона, заданное датским картографом, получает развитие в работах его последователей и во многом предопределяет изображение этого региона во второй половине XV – начале XVI в. Д. Н. Германус модифицирует карту Клавуса, выполнив ее в новой трапециевидной проекции¹⁷³. Итак, согласно версии Германуса (рис. 3)¹⁷⁴, территория «Скандии» представляет собой группу из шести островов, соединенных между собой. Вероятно, изображение не одного, а нескольких островов восходит к ошибочному представлению античных классиков о

¹⁶⁸ Речь идет об исторических провинциях Сконе, Блекинге, Халланде на юге и юго-западе Швеции, принадлежавших Дании (с начала XI в. до 1658 г.) [Сванидзе А.А. Викинги – люди саги: жизнь и нравы. С. 89; История Европы. С. 405].

¹⁶⁹ [The Nancy map] Europe Tabula XI (Clavus Claudius, 1426).

¹⁷⁰ Tabu. Nova Orbis (Fries L., 1522).

¹⁷¹ Orbis Typus Universalis Iuxta Hydrographorum Traditionem (Martin Waldseemüller, 1513).

¹⁷² Sigurdsson H. Some Landmarks in Icelandic Cartography down to the End of the Sixteenth Century. P. 392.

¹⁷³ Nansen F. In Northern mists ... P. 251.

¹⁷⁴ Оригинал второй карты Клавуса не сохранился, и карта Германуса представляет собой копию его изображения.

множестве островов на севере Европы¹⁷⁵. Региональные карты М. Вальдсмюллера и Л. Фрайса повторяют модель Н. Германуса за некоторыми исключениями¹⁷⁶. В частности, на их картах «острова» разделены горной цепью, и территория Скандинавского полуострова представляет собой единый земной массив, покрытый горными хребтами.

Карта Н. Германуса, получившая название «The Ulm Scandinavia»¹⁷⁷, наиболее показательна как самое детальное географическое описание Скандинавии второго типа. Так, центральный остров занимают земли с нанесенными легендами Норвегии и Швеции, разделенные крупным водоемом. С запада Норвегия граничит с исторической шведской провинцией Онгерманланд (в разных версиях «*Engromelandi*», «*Engronelant*»). Предположительно данная легенда – это контаминация с названием Гренландии *Engronelant*¹⁷⁸. Suetia фактически составляют единую территорию с соседним островом, о чем свидетельствует общая надпись: **Suetia que et aliter lonasab Gottia Occidentalis* («Швеция, что иначе произносится Готия Западная»).

На старшей карте Клавуса на побережье Балтийского моря также есть надпись «*vestgoti*». Южнее отмечен остров *Gottia Meridionalis* («Готия Южная»). Сухопутный мост, соединяющий Скандинавию с континентом, расположен на севере и имеет легенду *Gottia orientalis* («Готия Восточная»). В другой версии – *Gottia Orient*¹⁷⁹. Самую приближенную к Центральной Европе

¹⁷⁵ Как мы уже упоминали, в античности существовало ошибочное представление о существовании множества островов на севере, связанное с тем, что, например, южная часть Норвегии и юг Швеции воспринимались германцами как разные острова. [Тиандер К.Ф. Поездки скандинавов в Белое море. С. 40].

¹⁷⁶ Tab Nova Nor & Goti (Laurent Fries, 1522); Tabula Moderna Norbegie Et Gottie (Martin Waldseemüller, 1541).

¹⁷⁷ Tabula moderna Prussie, Livonie, Norbegie et Gottie (Nicolaus Donnus Germanus, 1482). Историки картографии относят эту карту к типу В по способу изображения Гренландии (к северу от Скандинавии). На картах типа А Гренландия базируется к западу от полуострова.

¹⁷⁸ Название Гренландского полуострова происходит от гидронима на карте К. Клавуса – «Eyn Gronelandz aa» ("Гренландская река") на восточном побережье Гренландии, который был ошибочно принят за название страны. [Nansen F. In Northern mists ... P. 277].

¹⁷⁹ Terra de lavoratore (Bordon Benedetto, 1537).

часть Скандинавии, омываемую Балтийским морем, составляет остров с названиями *Hallandia* на юго-западе и *Scania et Dacia* на юге¹⁸⁰. Предположим, что остров *Scania* к югу от Скандинавского полуострова на карте Шеделя также соответствует полуострову Сконе. Территория полуострова с X века входила в состав Дании, что, вероятно, повлияло на решение картографа изобразить Сконе ближе к датской столице. В версии Л. Фрайса¹⁸¹ земли украшены изображениями гербов: в Онгерманланде, Западной Готии и Скании. Герб «*Scania et Dacia*» (три леопардовых льва) указывает на принадлежность провинции датскому королю. М. Бехайм также использует гербовую символику для политических целей, изображая датский герб на территории Исландии и к северо-западу от Скандинавского полуострова¹⁸².

Итак, помимо наименований государств на региональных картах изображаются легенды некоторых шведских провинций: Онгерманланда на западе, Халланда и Сконе на юге. Территорию Западной Готии, отделенную проливом от Восточной, можно сопоставить с провинцией Вестёргетланд. В пользу этой версии выступает размещение крупного озера к западу от Западной Готии (предположительно оз. Венерн) и изображение Халланда к югу от данной провинции¹⁸³. Под Южной Готией, по-видимому, подразумевается историческая провинция Смоланд, о чем свидетельствует озеро в центре полуострова без легенды (оз. Веттерн) и город *Calmur* (Кальмар) на берегу Балтийского моря.

Очевидно, что картографическое изображение на данном этапе описания полуострова содержит многочисленные ошибки. Например,

¹⁸⁰ Провинция Сконе территориально располагалась на полуострове Сконе – южной оконечности Скандинавского полуострова. Дакия, вероятно, восходит к племени данов, заселявших полуостров. [История Европы. С. 173].

¹⁸¹ Tab Nova Nor & Goti (Laurent Fries, 1522).

¹⁸² На момент создания глобуса Бехайма (1493 г.) Норвегия, Швеция и Дания были в составе Кальмарской унии (1397–1523) под верховной властью датских монархов. Исландия принадлежала Дании.

¹⁸³ Историческая провинция Вестергётланд на юге граничит с Халландом, к востоку от нее лежит провинция Смоланд; южная часть оз. Венерн расположена на северо-западе провинции.

г. Уппсала отмечен в Западной Готии ближе к норвежской границе. Реальное расположение города – на балтийском побережье Швеции. Таким образом, предположения относительно размещения исторических провинций являются гипотетическими. Для изображений второго типа характерно появление топонима Лапландии¹⁸⁴.

На старшей карте К. Клавуса в восточной части перешейка между Гренландией и Скандинавским полуостровом нанесена легенда *Wildhlappelandi* («земля диких лопарей»)¹⁸⁵. У Шеделя легенда *Wildlappen* («дикие лопари») помещена на севере Скандинавии на границе с пешеходным мостом в Гренландию. На региональных картах более позднего времени топоним превращается в *Pillapelanth* (в другой версии – *pilappelandt*) и размещается на территории Гренландии на берегу *Mare Congelatum* (Северного Ледовитого океана). На карте мира М. Вальдсмюллера 1522 г. территория Лапландии предположительно отмечена надписью **vilelap* на границе полуострова с континентальной Европой. Вспомним также Гренландско-Лапландский полуостров М. Бехайма. Так, Лапландия преимущественно локализуется за Северным Полярным кругом – поблизости от Гренландии либо на ее землях. В центральной части Гренландско-Лапландского полуострова также отмечена легенда **tlant Venmarck* («the land of Finmark») – Финнмарк, самая северная область Норвегии. Фактически, Гренландия в изображениях второго типа является продолжением территорий Скандинавского полуострова, расположенных севернее полярного круга. Легенда Финляндии получает правильное расположение на востоке полуострова: *Finland*¹⁸⁶, **findhlappi* – на востоке Швеции¹⁸⁷. Топоним

¹⁸⁴ Лапландия – историко-культурный регион, территория расселения племени саамов. В широком смысле этот термин используется для обозначения территорий, расположенных севернее Северного полярного круга (северная часть Фенноскандии).

¹⁸⁵ Лопари, лапландцы – устаревшее название саамов.

¹⁸⁶ [untitled, Northern and Central Europe] (Hartmann Schedel ? Hieronymus Münzer ? 1493).

¹⁸⁷ [The Nancy map] Europe Tabula XI (Clavus Claudius, 1426).

finlappellant размещается в восточной части Восточной Готии¹⁸⁸.

На картах северного региона число отмеченных географических пунктов увеличивается. Ойконимы преимущественно локализуются вдоль береговой линии. Из наиболее значимых городов Норвегии выделим Ставангер (в разных версиях **Stauargerensis, Stauagee*), Берген (*Bergis, *Begensis, Bergen*), Осло (*Aslo, Oslo*), Нидарос (*Nidrosia, Nodrosia*), Хамар (*Hamer, Amerensis*). В Швеции отметим Вадстену (*Vadstena*), Стокгольм (*Stokholm*), Кальмар (*Kalmar, Calmur*), Лунд (*Lundis*), Уппсалу (*Ussalia*). Нидарос (Тронхейм) – первая столица Норвегии, Осло – крупнейший город, основанный примерно в середине XI в. Берген – столица средневекового королевства, с XI столетия – важный атлантический порт, а с XIII в. – центр ганзейской торговли. Вадстена и Тронхейм известны как скандинавские места паломничества. Уппсала – крупный культовый центр со времен раннего средневековья¹⁸⁹. Политический, торговый и религиозный статус этих городов стал причиной внимания к ним картографов и обеспечил им устойчивое положение на региональных картах. Легенду **Bergii* можно также прочесть на «Земном яблоке» Бехайма. На территории полуострова изображено множества рек и три озера: первое расположено в Западной Готии и соотносится с оз. Венерн в южной Швеции (в него впадает река с названием «*Vona*»), второе локализуется в Южной Готии и сопоставимо с оз. Веттерн в провинции Смоланд¹⁹⁰. «*Lacus *repa*» в юго-восточной Норвегии – предположительно озеро Мьёсс. На «Земном яблоке» Бехайма в центре Швеции отмечено крупное озеро.

Однако, как справедливо отмечает Л.С. Чекин, знания картографов гидронимии северного региона были ограничены. Так, на младшей карте Клавуса «имена мысов и рек на Готланде и в Норвегии складываются в

¹⁸⁸ Tabula moderna Prussie, Livonie, Norbegie et Gottie (Nicolaus Donnus Germanus, 1482); Tabula Moderna Norbegie Et Gottie (Martin Waldseemüller, 1541); Tab Nova Nor & Goti (Laurent Fries, 1522).

¹⁸⁹ История Европы. С. 191.

¹⁹⁰ [The Nancy map] Europe Tabula XI (Clavus Claudius, 1426); Tabula moderna Prussie, Livonie, Norbegie et Gottie (Nicolaus Donnus Germanus, 1482).

детскую считалку»¹⁹¹. Для обозначения бухт на берегу Северного моря датский картограф использовал латинские порядковые числительные, реки в Швеции отмечены датскими числительными: **Første aa fiuuu ostia* («первая река», «устье реки»), *"Anden aa"* («вторая река») ¹⁹². Реки, впадающие в Балтийское море, пронумерованы с юга на север: Двина названа *fürst*, Нарва – *auenas*, Нева – *trodiena*, далее – «четвертая», *fierdis*¹⁹³. Ошибки топонимики не были исправлены в последующих публикациях модифицированной версии карты Клавуса, что свидетельствует о незнании европейскими картографами гидронимии Скандинавии ¹⁹⁴.

Правильную локализацию и форму на картах второго типа получает остров Готланд к востоку от полуострова, в разных версиях – *Gottia*, **Gothland*, *Gotha*. Отметим, что легенда острова изображается даже на мировых картах, что свидетельствует о его стратегической значимости¹⁹⁵. Любопытно, что на карте Северной Европы Германуса Готланд окрашен иным цветом, чем территория Дании и северные королевства Скандинавского полуострова. На региональных картах отмечены основные острова Датского архипелага (Зеландия, Фюн, Лолланн, Фемарн, Мён), в юго-западной части Балтийского моря располагаются датские и шведские владения – острова Борнхольм, Эланд. На «Земном яблоке» Бехайма надпись *«Olant»* нанесена на территорию Скандинавского полуострова, что возможно связано с тем фактом, что Эланд относился к шведскому Гёталанду. У берегов современной Эстонии отмечен остров *Osilia*¹⁹⁶. Есть версия, что это современный

¹⁹¹ Чекин Л.С. Образ Севера в картографии европейского средневековья. С. 42.

¹⁹² Указан перевод для *"Anden aa"* как «вторая река», тогда как в датском числительное второй пишется иначе. Числительное «Anden» (с дат.) – «другой» [Nansen F. In Northern mists ... P. 252].

¹⁹³ Цит. по: Чекин Л.С. Образ Севера в картографии европейского средневековья. С. 42.

¹⁹⁴ *Tabula moderna Prussie, Livonie, Norbegie et Gottie* (Nicolaus Donnus Germanus, 1482); *Tabula Moderna Norbegie Et Gottie* (Martin Waldseemüller, 1541); *Tab Nova Nor & Goti* (Laurent Fries, 1522).

¹⁹⁵ На протяжении XIV – второй половины XVI в. право владения островом оспаривалось датскими и шведскими правителями.

¹⁹⁶ *Tabula moderna Prussie, Livonie, Norbegie et Gottie* (Nicolaus Donnus Germanus, 1482); *Tabula Moderna Norbegie Et Gottie* (Martin Waldseemüller, 1541); *Tab Nova Nor & Goti* (Laurent Fries, 1522).

о. Сааремаа, или о. Хийумаа¹⁹⁷. На некоторых картах к северо-востоку от Готланда изображены острова, не имеющие названия (предположительно Аландские острова)¹⁹⁸. Сложно судить о символике цвета на данном этапе изображения северного региона. Так, Борнхольм закрашен одним цветом с Скандинавией¹⁹⁹. На карте Л. Фрайса, во многом копирующей изображение Н. Германуса, все небольшие острова окрашены в разные цвета.

Наряду с реальными топонимами мифические элементы остаются значимой частью общей картины картографического изображения Скандинавии. Остров Туле изображается к юго-западу от полуострова в бассейне Северного моря на мировых и региональных картах. Клавдий Клавус пишет, что Туле «является частью Норвегии и не считается островом, хотя он отделен от суши каналом или проливом, потому что лед соединяет его (остров) с сушей на восемь или девять месяцев, и поэтому считается материковой частью»²⁰⁰. То же самое относится к проливу между Гренландией и Скандинавским полуостровом, замерзающему на долгий срок, согласно описанию картографа.

О Норвегии сказано, что она «имеет восемь островов, которые зимой всегда связаны с материком, и разделены только очень теплым летом»²⁰¹. Как мы видим, реальность (северный регион отличается суровыми климатическими условиями) смешивается с вымыслом и незнанием географии полуострова (территория Скандинавского полуострова связана с легендарным Туле и Гренландией ледяным «мостом»). В то же время утверждение «Туле – часть Норвегии» можно рассматривать как попытку датского картографа сопоставить мифический остров с реальной территорией, о чем мы писали в

¹⁹⁷ Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. С. 224.

¹⁹⁸ Tabula moderna Prussie, Livonie, Norbегie et Gottie (Nicolaus Donnus Germanus, 1482); Terra de lavoratore (Bordon Benedetto, 1537).

¹⁹⁹ Tabula moderna Prussie, Livonie, Norbегie et Gottie (Nicolaus Donnus Germanus, 1482).

²⁰⁰ Nansen F. In Northern mists ... P. 268. [перевод мой – А.Г.].

²⁰¹ Ibid. [перевод мой – А.Г.].

начале этой главы. На некоторых картах можно заметить другие топографические маркеры, связанные с представлениями о инаковости Скандинавии. Так, на карте Н. Германуса море к западу от Скандинавского полуострова и северу от Шотландии имеет легенду *Iperboreum*. Вспомним также остров *Hyperborei Evrope*²⁰², соединенный ледяным мостом со Скандинавией²⁰³.

На старшей карте К. Клавуса северное побережье Норвегии омывают загадочные *Tenebrosum mare* («Темное море/море Мрака») и *Quietum mare* («Спокойное море»)²⁰⁴. На перешейке между Гренландией и Скандинавией упоминаются помимо *Wildhlappelandi* («земли диких лопарей») и **Findhlappi* («финская лопь») следующие этнонимы: *Unipedes maritime* («приморские/прибрежные одноноги»), *Pigmei maritime* («приморские пигмеи») и даже *Griffonum regio vastissima* («обширная область грифонов»). Любопытно, что Клавус дает собственное описание пигмеев: «маленькие пигмеи ростом в локоть, которых я видел после того, как их забрали в море на маленькой лодке, которая сейчас висит в соборе Нидароса...»²⁰⁵. Сложно судить, насколько правдиво утверждение картографа о личной встрече с представителями этого народа, однако упоминание их роста служит отсылкой к пигмеям из мифов. По версии Ф. Нансена, речь могла идти об эскимосах Гренландии²⁰⁶. На наш взгляд, использование мифических топонимов на картах Скандинавии свидетельствует в равной степени о недостатке практических исследований региона и опоре на античные источники (нанесение топонимов Гипербореи, Туле). Отметим также, что для людей эпохи Великих географических открытий во многом было характерно

²⁰² Данное изображение также связано с легендой о магните, упоминаемой ранее. Здесь остров Гипербореи – один из четырех островов, окружающих магнитную гору на Северной Полюсе [Nansen F. In Northern mists ... P. 289].

²⁰³ *Universalior cogniti orbis tabula, ex recentibus confecta observationibus* (Johannes Ruysch, 1507).

²⁰⁴ Nansen F. In Northern mists ... P. 259. [перевод мой – А.Г.].

²⁰⁵ Ibid. P. 269. [перевод мой – А.Г.].

²⁰⁶ Ibid.

мифологическое осмысление мира, когда страны Северной Европы имели репутацию «прибежища иных», где можно встретить пигмеев и неизвестные виды животных.

Второй тип изображения полуострова совмещает как новую информацию (названия провинций, новые топонимы), так и старые ошибки (ориентация Скандинавии). Новые заблуждения (связь с Гренландией) соседствуют с традиционными представлениями о регионе (мифические топонимы, островная гипотеза). По-видимому, с античными представлениями также связано изображение Скандии в виде группы островов, а не одного острова. Появление перешейка между Скандинавией и европейским континентом, вероятно, обусловлено влиянием средневековой полуостровной теории. В то же время более подробное географическое описание «Скандии» (детальный рисунок береговой линии, появление государственных гербов, акцент на датские провинции) свидетельствует о начале изменений в восприятии полуострова как геополитического пространства. Так, легенда Дании, отмеченная на юге полуострова, иконографические элементы (датские гербы) служат способом репрезентации существующих реалий (принадлежности провинций на юге Швеции Датскому королевству, союза стран Скандинавского полуострова с Данией в составе Кальмарской унии). Картографы второй половины XV в. – первой половины XVI в. проявляют внимание к политической жизни стран Скандинавии, а не только мифологической составляющей.

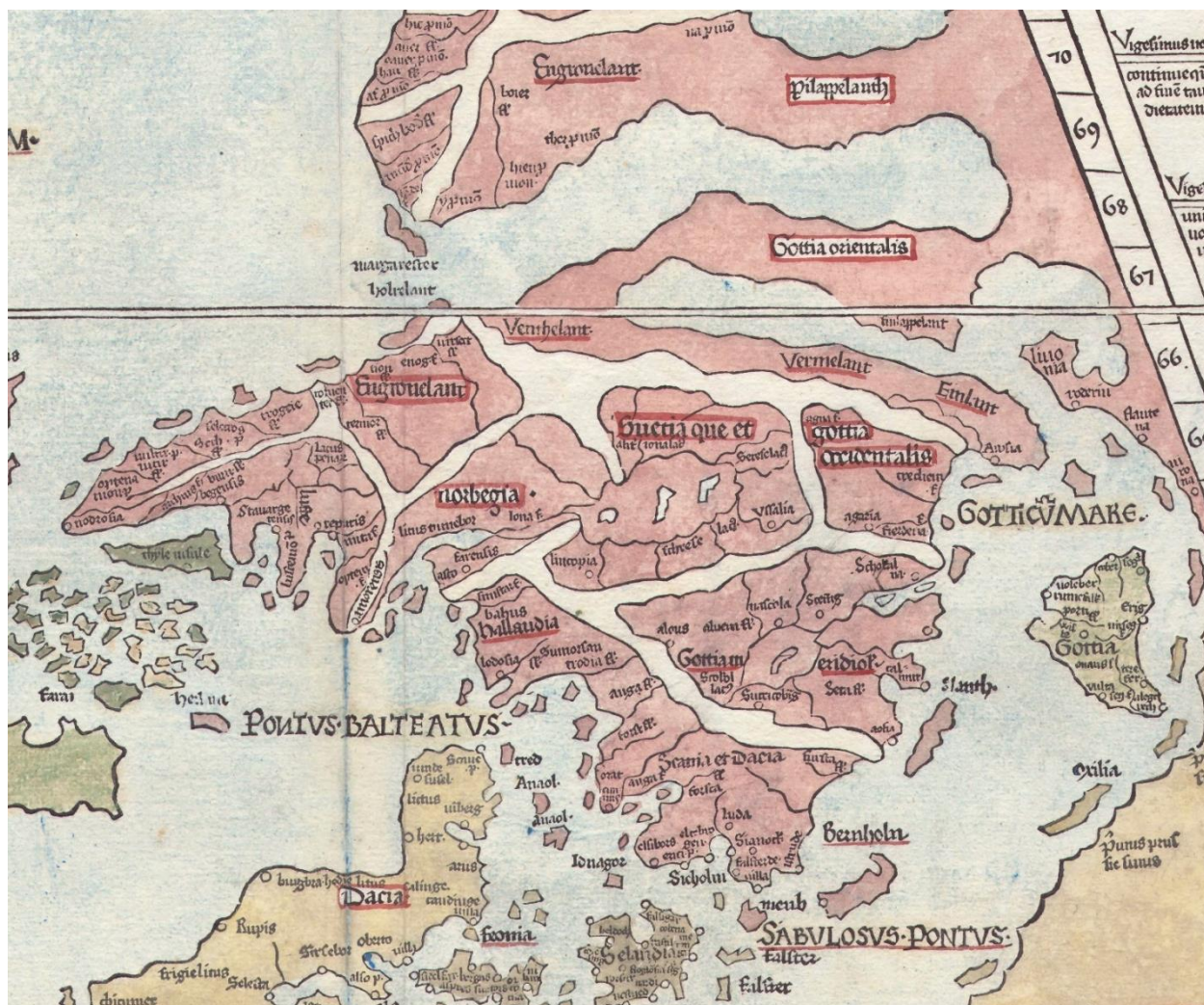

Рис. 3. Tabula Moderna Prussie Livonie Norbegie et Gottie (Donis Nicolaus Germanus, 1482). Фрагмент карты Скандинавии.
URL: <http://mappingiceland.com/map/tabula-moderna-prussie-livonie-norbegie-et-gottie/>

2.3. Третий тип географического описания и третья модель ментальной карты (первая половина XVI в.)

В третьей модели Скандинавия практически утрачивает свои загадочные черты и положение «территории иных на краю земли». Она становится «продолжением» европейского мира – образно и географически. Так, полуостровная теория находит окончательное воплощение: Скандия изображается как часть материковой Европы, оформляется меньший полуостров (материковая Скандинавия); сохраняется связь Скандинавии и Гренландии в виде перешейка. Присоединение к континенту имеет и символический смысл: утратив островное положение, она теряет значение

инаковости. Более подробное описание внутреннего пространства и внешнего контура Скандинавии сопоставимо с описанием континентальной Европы: оформляются границы (закрепляется разделение на Швецию, Готию, Финляндию и Норвегию), схематично показаны гидрографическая и горная система; на картах отмечен юго-западный выступ (материковая Скандинавия). Туле и Гиперборейский океан остаются спутниками Скандии на картах. Однако попытки отождествления острова с Исландией (реальной территорией, достаточно исследованной на тот момент), характерные для этой модели, «снижают» его мифический статус. Итак, утрачивая инаковость, Скандинавия в то же время «материализуется» как часть общеевропейского пространства.

Изображение «Скандии» третьего типа близко к современному: направление Скандинавии изменено с западно-восточного на северо-южное. Связь с Гренландией на северо-востоке полуострова сохраняется, однако положение острова соответствует картам типа А (Гренландия простирается на северо-запад от европейского материка). Отметим, что на некоторых картах Гренландия также соединена с «*Terra Nova sive Bacalhos*» («Канада»), образуя с ней единую территорию²⁰⁷. Следующая особенность, на которую стоит обратить внимание, это легенда Исландии, нанесенная на территорию Гренландии²⁰⁸. При этом уже известный остров Туле к западу от Скандинавии имеет форму Исландии; на нем отмечены оба названия – Туле и Исландия.

Третий тип географического описания Скандинавии основан на карте Скандинавии Я. Циглера²⁰⁹. Его карта служит прототипом для работ

²⁰⁷ [Schondia] (Jacob Ziegler, 1536); General tafel, begreifend der gantzen vndern weldt beschreibung (Sebastian Münster, 1540); Typus Orbis Universalis (Sebastian Münster, 1550); Schonlandia XIII Nova Tabula (Sebastian Münster, 1540).

²⁰⁸ General tafel, begreifend der gantzen vndern weldt beschreibung (Sebastian Münster, 1540); Schonladi Nova (Giacomo Gastaldi, 1548); Schonladi nova (Girolamo Ruscelli, 1561). Рисовка Дж. Рускелли во многом повторяет «Schonladi Nova» Гастальди. Однако в случае двух Исландий он, видимо, решает обойти этот момент и удаляет хороним Исландии с обеих стран. При этом очертания островов и состав топонимов воспроизводят изображение Дж. Гастальди.

²⁰⁹ [Schondia] Octava tabula continent Cheronneesum Schondiam, Regna autem potissima, Norduegiam, Sueciam, Gothiam, Findlandiam, Gentem Lapones (Jacob Ziegler, 1536).

С. Мюнстера, Дж. Гастальди, Дж. Рускелли²¹⁰. Топонимический ряд у данных картографов различается, но изображение Скандинавии во многом идентично. Так, Скандинавия представляет собой полуостров, а не группу островов, соединенных между собой. Закрепляется деление полуострова на Норвегию, Швецию, Готию на юге и Финляндию. Ботнический залив условно разделяет территорию полуострова на западную и восточную (материковую). Заметим также, что материковая Скандинавия изображена в виде полуострова остроугольной формы. На восточном побережье Ботнического залива отмечена легенда Финляндии. На севере «Финляндия»²¹¹ граничит с шведской исторической провинцией Эстерботтен²¹². Также обратим внимание на правильную локализацию финской территории (между 60 и 70 градусом северной широты), согласно градусной сетке на карте Я. Циглера.

Южная часть Ботнического залива вытянута в северо-восточном направлении, разделяя Эстерботтен (в различных версиях *Ostrobotenia*, *Ostrobothnia*) и Норрботтен (*Northbotenia*, *Nortbothnia*). На западном побережье залива размещены следующие шведские провинции с севера на юг: Онгерманланд, Медельпад, Хельсингия. Как и во втором варианте изображения легенда Лапландии отмечена на перешейке между Гренландией и Скандинавией: в северо-восточной части сухопутного моста на границе с Норрботтен. Хороним Лапландии нанесен на карты более крупным шрифтом, чем шведские провинции. По всей видимости, название указывает на историко-культурный регион Лапландию²¹³.

Ойконимический ряд Скандинавии пополняется новыми поселениями. Как отметил Л.С. Багров, «Schondia» Я. Циглера содержит 500 пунктов

²¹⁰ Schonlandia XIII Nova Tabula, 1540); Schonladia Nova, 1548; Schonladia nova, 1561, соответственно.

²¹¹ До 1721 г. территория современной Финляндии принадлежала шведской короне.

²¹² Остроботния (Эстерботтен (швед. Österbotten)) – историческая провинция в современной Финляндии. До 1809 г. входила в состав Шведского королевства.

²¹³ Историческая провинция северной Швеции с одноименным названием (Лапланд) занимает юго-западную часть региона Лапландия.

местности²¹⁴. Остановимся на некоторых примерах. Следует признать, что не все населенные пункты удалось сопоставить с современными названиями. Помимо уже известных топонимов (Бергена, Ставаргена, Осло, Нидросии, Хамара) на побережье Норвегии с севера на юг отмечены *Matkur* (**Matkui*), *Honouitt* (*Honoui*), *Rodhelle*, *Rollen*, *Skongn* (*Skongen*, *Skogen*), *Salten* (*Salte*), (*Medelhus* (*Mendelhus*, *Medelh'*), *Byrlen* (*Byrsen*), *Saltzburg*²¹⁵. Как было замечено ранее, состав топонимов у разных авторов одной картографической традиции немного разнится. Так, у Мюнстера южнее Бергена фигурирует также город *Konsperg*; на картах Гастальди и Рускелли к югу от *Salten* расположены **Redhoo* и *Brynnia* (*Brynia*), которых нет у Мюнстера и Циглера. В самой северной части континентальной Норвегии на границе с Лапландией появляется новый географический пункт *Vvardhus Castrum* (*Warthus*, **Vuartus*, *Vuarthus* – современный Вардё). Вардё принадлежит норвежской области Финнмарк. В Швеции кроме отмеченных ранее крупных городов (Уппсалы, Стокгольма, Кальмара, Лунда) также получает отображение большее число поселений. В Норрботтене отмечен *Chimene* (*Chymene*, *Chimen*, *Chime*), в Эстерботтене – *Corsholm*. У Циглера в центральной Швеции на побережье Ботнического залива нанесен город *Alta*. В регионе Свеаланд к югу от Уппсалы расположен *Gefle* (Евле), к западу от Аландских островов на берегу залива – крепость *Oregrundia* (*Ore grundia*, *Oragrundia*). В Гёталанде на побережье Балтийского моря с севера на юг локализуются *Sudercopia*, *Steckholm* (*Stegholmsomen*), *Malmogia* (Мальмё). На юге Швеции изображены топонимы *Elsenburg* (*Helsemburg*), *Kongelle*, не представленные у Циглера²¹⁶. Мюнстер в Готии также отмечает следующие населенные пункты: *Nicopia*, *Lincopia*, *Hutland*. На территории Финляндии нанесены города *Custa*, *Abo* (современный

²¹⁴ Багров Л. История картографии. С. 190.

²¹⁵ *Schonlandia XIII Nova Tabula* (Sebastian Münster, 1540); *Schonladia Nova* (Giacomo Gastaldi, 1548); *Schonladia nova* (Girolamo Ruscelli, 1561).

²¹⁶ *Schonlandia XIII Nova Tabula* (Sebastian Münster, 1540); *Schonladia nova* (Girolamo Ruscelli, 1561); *Schonladia Nova* (Giacomo Gastaldi, 1548).

Турку), *Rasburghum* (*Rasburg*). Некоторые картографы для большей наглядности сопровождают название населенного пункта изображением крепости²¹⁷.

Третий тип изображения дает схематичное представление о гидронимической системе полуострова. В юго-восточной Норвегии поблизости от Хамара изображается *Mos Lacus* (*Mos*) – озеро Мьёсс. В Швеции отмечены крупнейшие озера страны. Так, в регионе Хельсингия расположены озера *Lagen*, *Selen* (Сильян); из последнего вытекает река *Daler Arlus* (*Dalecarius fl.*, *Dalecarlius* – Даль-Эльв). В Гёталанде вдоль норвежской границы локализуется оз. Венерн; озеро соединяется с рекой (вероятно, Гета-Эльв), впадающей в пролив Каттегат²¹⁸. Оз. Веттерн впадает в Балтийское море. Третье по величине после Венерн и Веттерн, оз. Меларен, простирается к западу от Стокгольма на балтийском побережье. В южной Швеции к северу от г. Лунд отмечено оз. Больмен.

В Финляндии также появляются зачатки гидронимической системы. В центральной части материковой Скандинавии появляется одно из крупных озер современной Финляндии – *Peyntne* (оз. Пяйянне). Однако, озеро имеет неверные очертания и расположение: узкая полоса тянется с севера на юг вдоль территории полуострова. Ботнический залив вытянут с северо-востока на юг, имеет легенды *Sinus Finnonicus* и *Sinus Sveticus* (*Sinus Finonicus et Sueticus*)²¹⁹. Другие особенности природного ландшафта Скандинавии также получают отображение на картах. Через всю территорию Норвегии тянется горная цепь (Скандинавские горы). В центральной Швеции, Эстерботтене, Лапландии и соединенной с ней Гренландии отмечены лесные массивы. На перешейке между Гренландией и Скандинавией изображения юрт, видимо, служат маркером проживания здесь саамов. На севере полуострова

²¹⁷ Schonlandia XIII Nova Tabula (Sebastian Münster, 1540); Schonladia Nova (Giacomo Gastaldi, 1548).

²¹⁸ Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. С. 224.

²¹⁹ Для обозначения акватория внутри Ботнии некоторые картографы на картах XV–XVI вв. отдельно давали название для северной и южной частей залива – «Шведский залив» и «Финский залив», соответственно.

(Лапландия, Эстерботтен) изображены волки²²⁰. Предположим, что отсутствие населенных пунктов и фигуры животных служат цели картографа показать дикость и малоизученность этой части Скандинавии. В самой южной точке Финляндии отмечены неизвестные горы (*Hangoo*)²²¹.

К югу от полуострова нанесены легенды двух островов Датского архипелага: Зеландии и Фюна. У Циглера Фюн окружает еще несколько островов, но они не имеют названия. Следует отметить, что их форма и расположение имеет мало общего с датскими островами. На островах Готланд и Эланд отмечены крупные города Висбю и Боргхольм, что указывает на большую осведомленность о топонимике северного региона. К западу от территории Финляндии появляются Аландские острова (*Aland, Alandia*), представленные единственным островом. Аландские острова располагаются между 65 и 63 северной широтой, что чуть севернее положенного (60°12'20" с. ш.). Остров *Oxilia* изображен здесь к юго-западу от Финляндии. У северного и северо-западного побережья Норвегии расположена группа островов, имеющие названия. По наименованию можно уверенно идентифицировать один из них – Сенья (*Saniam, Sanyam, Sanyian, Sanya*) – второй по величине остров в Норвегии.

Изображение третьего типа содержит мало мифических элементов. В первую очередь, это остров Туле, размещенный вблизи от Скандинавии. Туле появляется как на региональных, так и на мировых картах. Как уже было отмечено, он расположен к западу от Скандинавского полуострова и на некоторых картах, по-видимому, отождествляется с Исландией: у острова отмечено два названия – «Туле» и «Исландия» (*Island, Islandia*) (рис. 4)²²². У Гастальди и Рускелли две «Исландии: одна из них «Исландия-Туле», вторая – отдельный остров. На видимую путаницу в изображении двух островов также указывает сходство их топонимов: *Scalholdin* и *Skalholten* в Исландии; *Holensis*

²²⁰ Schonlandia XIII Nova Tabula (Sebastian Münster, 1540).

²²¹ [Schondia] (Jacob Ziegler, 1536); Schonlandia XIII Nova Tabula (Sebastian Münster, 1540).

²²² Schonlandia XIII Nova Tabula (Sebastian Münster, 1540).

и *Holen* в Туле. На карте мира Мюнстера 1540 г. остров к западу от Скандинавии назван *Thyle*; на мировой карте 1550 г. этот же остров имеет наименование *Island*. Предположим, что отождествление двух географических объектов – реального и мифического – свидетельствует о стремлении картографов «вписать» античный топоним в общую картину северного региона. Возможно, оказала свое влияние предшествующая литературная традиция сопоставления этих островов. Она не пользовалась широкой популярностью за пределами Скандинавии, но имела место, о чем мы писали в прошлой главе. Кроме Туле, маркером «инаковости» служит гидроним *Oceanus Hyperboreus*, расположенный к северу от Лапландии.

Итак, третий вариант географического описания Скандинавии (первая половина XVI в.) имеет следующие ключевые особенности: верное положение полуострова относительно европейского материка, оформление меньшего полуострова с легендой Финляндии к востоку от Ботнического залива, сохранение соединения с Гренландией на северо-востоке. Смещение названий Гренландии, Исландии и Туле может иметь множество причин, среди которых отсутствие точной информации²²³ и влияние прежней литературной традиции описания Туле, о которой шла речь выше. Так, от античного топонима Туле не отказываются, но соотносят его с Исландией. Делается больший акцент на описании территории полуострова. Появляется первое схематичное представление о внутренних землях Скандинавии: гидрографической сети и горной цепи. Число топонимов увеличивается, изображаются более мелкие географические детали. Состав шведских провинций и островов, окружающих «Скандию», разнится по сравнению со вторым типом описания. По всей видимости, различия связаны с тем, что окончательное представление о северном регионе еще не сформировалось.

²²³ В частности, как можно видеть по представленным картам, на протяжении XV в. картографы имели смутное представление о Гренландии, ориентируясь на разные источники. Только ближе к концу XVI столетия эта территория стала хорошо известна в Европе [Рамсей Р. Открытия, которых никогда не было. С. 161, 165].

Рис. 4. Schonlandia XIII Nova Tabula (Sebastian Münster, 1540).

Фрагмент карты Скандинавии.

Ginsberg W.B. Printed maps of Scandinavia and the Arctic, 1482-1601. New York: Septentrionalium Press, 2006. P. 45.

2.4. Четвертый тип изображения и четвертый пространственный образ Скандинавии (вторая половина XVI в.)

Четвертая модель описывает Скандию как геополитическое пространство. Мы наблюдаем определенную трансформацию в изображении полуострова. Складывается общее впечатление об административном и географическом устройстве стран Скандинавии (внутренняя наполненность, детальность береговой линии), текущей политической ситуации (цветовая

символика). В то же время в этой модели представлено большинство элементов, отвечающих за идею инаковости в первом, втором и третьем типе (Туле, Гиперборея, магнитная гора и другие), а также «новых» (Биармия). Это создает определенное противоречие: Скандия – часть общеевропейского пространства, европейской «цивилизации» или «обитель иных на краю земли»?

На наш взгляд, использование маркеров инаковости на данном этапе картографического изображения Скандии может объясняться рядом причин – как общего характера (уважением к предыдущей традиции, «мифологичностью» мышления людей той эпохи), так и частного (инициатива отдельных картографов с целью привлечения внимания к региону или в декоративных целях). Так или иначе, став частью Европы (в географическом, политическом, торговом смысле), Скандинавия на картах сохраняет положение иного – территории на краю европейского мира, где случаются чудеса и можно обнаружить легендарные земли из скандинавских саг и античных источников. Этот образ, – сконструированный картографами (в частности, апологетом идеи чудесного Севера считается Олаус Магнус) или существующий в сознании современников (возможно, справедливы оба утверждения), – мы наблюдаем на картах второй половины XVI в.

Еще одной особенностью данной модели является отражение политической реальности (цветовая гамма, гербовая символика). Так, некоторые карты помимо демонстрации реальных геополитических изменений в странах Скандинавского полуострова (упразднение Кальмарской унии и создание Датско-норвежской унии, переход о. Готланд к Дании по условиям Штеттинского мира), становятся проводниками политических амбиций Швеции (притязаний Шведского королевства на северные и северо-западные земли России). Таким образом, образ Скандии дополнен идеей о растущем влиянии Шведского королевства и его «права» на восточные земли.

На картах четвертого типа «Скандия» утрачивает соединение с Гренландией; последняя отделена проливом и располагается к северо-западу

от полуострова. В некоторых случаях Гренландия отмечена севернее Скандинавии, в чем можно усмотреть взаимосвязь с прежними изображениями²²⁴. Полуостров простирается с севера-востока на юг, за исключением карты Скандинавии Олауса Магнуса 1567 г., где он вытянут к северу²²⁵. Ботнический залив также имеет верное направление и пропорции. На картах появляется легенда Финского залива. Однако очертания залива далеки от действительности: он ориентирован на северо-восток. В целом Скандинавский полуостров отличается наличие четкого контура, достаточно правильное оформление береговой линии за исключением Кольского полуострова и юго-западного выступа (территория современной Финляндии)²²⁶.

Для данного типа характерно два варианта отображения материковой части Скандинавии. На большинстве карт она имеет форму остроконечного полуострова, наклонного к западу, как в третьем типе географического описания. Во втором случае очертания приближены к современным представлениям, и полуостров изображается без острого угла на юго-западе²²⁷. Также стоит отметить, что северо-западная граница полуострова изображена недостаточно подробно: «в виде почти плавной линии до волнистого фьорда «Домс»²²⁸, на берегу не отмечены фьорды и острова.

Данный вариант изображения представлен многочисленными мировыми, региональными картами, отдельными картами Скандинавского полуострова, что свидетельствует о возросшем внимании картографов к этой территории во второй половине XVI в. Основой послужила широко известная

²²⁴ *Septentrionalium partium nova tabula* (Girolamo Ruscelli, 1561).

²²⁵ [untitled, Scandinavia] (Olaus Magnus, 1567).

²²⁶ Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. С. 225.

²²⁷ *Septemtrionalium Regionum Suetiae Gothiae ...* (Michael Tramezini, 1558); *Accipe Candide lector absolutissimam Septentrionalium Suetiae Gotiae, Norvegiae ...* (Giovanni Camocio, 1558); [Europe] (Abraham Ortelius, 1570); *Evropa* (Giovanni Antonio Magini, 1598); [The North Pole map] (Willem Barentsz, 1598).

²²⁸ Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. С. 225.

Carta Marina» («Морская карта»)²²⁹ Олауса Магнуса²³⁰ 1539 г., считающаяся одной из самых ранних достоверных карт северного региона. «Морская карта» представляет собой уникальный источник материала об этнографии, истории, природных условиях Северной Европы. Ее подробный анализ требует отдельного исследования. Магнус наносит на карту инструменты навигации (компасные розы), украшает изображениями мифических и реальных персонажей, государственными гербами. Работу Магнуса отличает ряд характерных особенностей, заимствованных его европейскими собратьями. В частности, шведский картограф привносит новые элементы в описание Скандинавии: он помещает легендарную Биармию на Кольском полуострове и Скриптофиннию²³¹ на севере современной Финляндии. Здесь будет уместно привести мнение немецкого историка И. Шеффера о том, что Биармия, Лапландия, Скриптофинния – названия одной и той же территории на крайнем севере («земли лопарей»). Скандинавы называли ее Биармией, европейские авторы – Скриптофиннией²³². Во второй половине XVI века, когда карта Олафа Магнуса стала известна, в этом вопросе не было ясности. На картах эти хоронимы граничат друг с другом и размещены на севере полуострова. Последователи Магнуса внесли свой вклад в картографирование полуострова, уточнив и дополнив его версию. Например, карта Скандинавии и Балтийского региона М. Тразебини превосходит работу шведского картографа более

²²⁹ Полное название – «Carta marina et descriptio septentrionalium terrarum ac mirabilium rerum in eis contentarum diligentissime elaborate» («Морская карта и описание северных земель и их чудес...»).

²³⁰ Олаус Магнус (с лат. «Великий») – латинизированное имя Олафа Менсона, шведского картографа, историка, политического и религиозного деятеля.

²³¹ Скриптофинния – хороним, используемый для обозначения территории на севере современной Финляндии. О. Магнус приводит наименование Скрикфинния. Античные и средневековые авторы называют местный народ Scythiphini, Scride-Finns, Scritobini, Skrit-Finns, Skritefingi, описывая их умение охотиться с помощью «wooden horse» («деревянная лошадь»). [Weinstock J. The Role of Skis and Skiing in the Settlement of Early Scandinavia // The Northern Review. 2005. N 25/26. P. 174–178]. Глаголом skirida в древности обозначали змеиное движение, скольжение. Таким образом, название территории, вероятно, является отсылкой к «финнам на лыжах». [Шеффер И. Lapponia. Легенды и мифы Древней Лапландии // Живая Арктика. 2008. N 1. С. 10].

²³² Там же. С. 12.

детальной прорисовкой береговой линии²³³.

Перейдем к основным моментам географического описания полуострова. Сохраняется прежнее разделение Скандинавии на Норвегию, Швецию, Готию и Финляндию на юге. Исключение составляют некоторые мировые и региональные карты, где легенда Готии не отмечена²³⁴. Число новых провинций, нанесенных на территорию Швеции, увеличивается. Так, помимо Онгерманланда, Медельпада, Хельсингии, Западной и Восточной Боттии на ряде карт в Свеаланде появляется Даларна (*Dalacarla Magna, Dalekarlia, Darl Ecarlia*) и Уппланд (*Uplandia, Uppland*) южнее Хельсингии и на восточном побережье Швеции, соответственно. Присутствует разделение Гёталанда на Западную и Восточную Готию; изображены легенды Блекинге и Халланда на юге, Дальсланда и Смоланда в западной и восточной части региона. Легенда Смоланда, на наш взгляд, нанесена севернее, чем нужно²³⁵.

Отметим роль цвета в геополитическом разделении территории. У де Жодэ Швеция современная Финляндии оформлена в одном цвете, за исключением земель на юго-западе шведского королевства (по-видимому, Халланда и Сконе), закрашенных одним цветом с Данией²³⁶. Ортелиус подобным образом отмечает юго-восток Гёталанда²³⁷ (рис. 5). На карте Европы Меркатора²³⁸ одинаковую цветовую гамму имеют Швеция и остров Эланд (историческая шведская провинция), Норвегия, Дания и о. Готланд²³⁹.

²³³ Septemtrionalium Regionum Suetiae Gothiae ... (Michael Tramezini, 1558).

²³⁴ Typus Orbis Terrarum (Abraham Ortelius, 1570); Septentrionalium Terrarum description (Gerard Mercator, 1595); [The North Pole map] (Willem Barentsz, 1598); Septemtrionalium Regionum Suetiae Gothiae ... (Michael Tramezini, 1558).

²³⁵ Carta Marina (Olaus Magnus, 1539); Septentrionaliu Regionum ... (Gerard de Jode, 1593).

²³⁶ Septentrionaliu Regionum ... (Gerard de Jode, 1593).

²³⁷ Фактическая территория провинций Сконе, Блекинге и Смоланда. Если цветовое решение обусловлено намерением картографа указать на связь с Данией, такое решение ошибочно. Смоланд не был датской провинцией. Возможно, цвет используется для лучшего восприятия информации на карте.

²³⁸ Europa, ad Magnae Europae Gerardi Mercatoris [...] (Gerard Mercator, 1595).

²³⁹ Норвегия с 1536 г. до 1814 г. была в составе Датско-норвежской унии. Готланд в 1570 г. был признан территорией Дании.

Отдельно рассмотрим северные территории Скандинавии, расположенные за Полярным кругом: шведскую историческую провинцию Лапландия, норвежский Финмарк, уже упомянутую Скрикфиннию. Данные земли отмечены на большинстве карт четвертого типа, но их местоположение варьируется относительно друг друга. Лапландия (в разных версиях *Lappia*, *Lappenlant*, *Lappenlandt*, *Lapia*, *Lappnland*, *Lappenland*) чаще всего локализуется в самой северной точке современной Швеции, на севере граничит с Скрикфиннией (*Scricfinia*, *Scrifinni*, *Scrickfinnia*, *Sricfinia*), на западе – с Финмарком. Иоанн Магнус располагает шведскую провинцию между Вестерботтенем и Эстерботтенем²⁴⁰. Мюнстер наносит легенду Лапландии севернее Эстерботтена; здесь Финмарк локализуется на севере Швеции²⁴¹. Еще один вариант, предложенный Олаусом Магнусом, – разместить Лапландию по обе стороны Ботнического залива – севернее Вестерботтена и Эстерботтена; Скрикфинния отмечена на северном побережье залива, Финмарк традиционно базируется на севере Норвегии²⁴².

Вероятно, это наиболее правильное изображение положения шведской провинции на конец XVI в., учитывая, что до 1809 г. она также включала в себя север современной Финляндии. На ряде карт Лапландия полностью занимает территорию Кольского полуострова – в отличие от работ Олафа Магнуса, где на этих землях отмечена Биармия. Предположим, что легенда Лапландии в этом случае указывает на историко-культурный регион, а не шведскую провинцию. Кольский полуостров представляет собой узкий перешеек между Белым морем²⁴³ и Северным Ледовитым океаном,

²⁴⁰ *Scandinae Insulae Index* (Johannes Magnus, 1558).

²⁴¹ *Gemeine beschreibung aller Mitnächtigen Länder [...]* (Sebastian Münster, 1588).

²⁴² *Carta Marina* (Olaus Magnus, 1539); *Gotland oder Gothen* (Sebastian Münster, 1588).

²⁴³ На картах четвертого типа Белое море («*Lacus albus*») изображено в виде озера. В нем исследователи видят изображение Кандалакшского залива Белого моря или обобщенное представление о трех водоемах: Белом море, Белом озере и Ладожском озере. [Вальдман К.Н. Об изображении Белого моря на картах XV–XVII вв. // История географических знаний и открытий на Севере Европы: сб. ст. / под ред. И. П. Шаскольского. Л., 1973. С. 92].

соединяющий полуостров и материк. Вспомним пешеходный мост, связывающий Скандинавию и Гренландию на изображениях второго и третьего типа. Считается, что благодаря О. Магнусу, Кольский полуостров и Белое море впервые появляются в истории картографии²⁴⁴.

На западе Биармия у Олафа Магнуса граничит со Скрикфиннией, на юго-западе – с Лапландией. На некоторых картах название Биармии сохранено только для центральной часть Кольского полуострова²⁴⁵. Обратим также внимание на цветовую символику. Так, территория Биармии закрашена одним цветом с Швецией²⁴⁶. На карте Европы Меркатора Кольский полуостров с помощью цвета «разделен» на шведскую и русскую части. Можно предположить, что подобные цветовые решения отражают притязания Шведского королевства на северные и северо-западные земли России²⁴⁷. Об этом же свидетельствует изображение шведских гербов на Белом море, в Биармии и Восточной Карелии на карте Магнуса 1539 г.²⁴⁸

В четвертом варианте описания количество топонимов, отмеченных на территории Скандинавии, сопоставимо с их числом на картах стран Западной Европы. Появление новых географических названий связано как с большей информированностью картографов о внутренних территориях, так и с ролью (торговой и политической) определенных населенных пунктов. Следующие города в силу своей политической значимости получают отображение даже на

²⁴⁴ Савельева Е.А. Олаус Магнус и его «История северных народов». С. 45; С. 47. Отметим, что первым возможным аналогом Белого моря служит изображение *Quietum mare* («Спокойное море») на старшей карте К. Клавуса.

²⁴⁵ Например, *Septentrionalium Regionum Descrip.* и [Europe] А. Ортелиуса, 1570; *Septentrionalium Regionum ...* (Gerard de Jode, 1593).

²⁴⁶ *Septentrionalium Regionum Descrip* (Abraham Ortelius, 1592); *Gemeine beschreibung aller Mitnächtigen Länder [...]* (Sebastian Münster, 1546).

²⁴⁷ Двусторонние пограничные конфликты между Швецией и Россией на Кольском Севере известны с середины XVI в.

²⁴⁸ О. Магнус, известный своими патриотическими чувствами, изображает государственный герб на территориях, не подвластных Шведскому королевству.

схематичных картах Скандинавии²⁴⁹: Нидросия (Тронхейм), Берген, Ставарген, Стокгольм, Або (Турку), Вардё. Многие картографы выделяют поселение Торнио (*Tornia Eporium* – «центр торговли»), что определено обусловлено его статусом крупного торгового центра на Севере в XVI в.²⁵⁰. Векшё на юге Швеции, отмеченный крупнее соседних населенных пунктов, также имеет торговое значение. Стратегическое положение города вблизи датско-шведской границы положительно сказалось на развитии торговли. На ряде карт топонимы крупных городов сопровождаются изображением крепостей²⁵¹.

Помимо увеличения числа поселений другим составляющим внутреннего пространства Скандинавии также уделено достаточно внимания. Так, отмечены многочисленные реки и озера, вдоль береговой линии обозначены рифы и фьорды. Крупные озера Швеции и Норвегии (Венерн, Веттерн, Меларен, Сильян и Мьёсс) получают верное расположение и ориентацию. Реки показаны довольно схематично, но их можно опознать по названиям близлежащих географических объектов. Например, река, вытекающая из озера в Мидельпаде у границы с Норвегией, вероятно, Индальс-Эльвен. Река, пересекающая оз. Сильян, очевидно, Даль-Эльвен. Однако, есть и ошибочные данные. На севере Швеции в Западной Ботнии и Лапландии помещено два крупных озера – *Lacus Vma* (в разных версиях **Ama*, **Vmastresch Lago*) и *Lacus Piscolus* (*Siocn Lago*), – не имеющих реального аналога²⁵². В Норвегии на границе с Вестерботтенем отмечено оз. Owick, которое сложно сопоставить с реальным объектом на карте. Очертания озер в Финляндии не соответствует истинным. Фактически, финские озера представляют собой озерную систему, тогда как на картах они оформлены

²⁴⁹ *Scandinae Insulae Index* (Johannes Magnus, 1558); *Gotland oder Gothen* (Sebastian Münster, 1588).

²⁵⁰ Торнио был центром торговли в Лапландии и одним из богатейших городов Швеции.

²⁵¹ *Carta Marina* (Olaus Magnus, 1539); *Septentrionalium partium nova tabula* (Girolamo Ruscelli, 1561); *Septentrionalium Regionum Suetiae Gothiae ...* (Michael Tramezini, 1558).

²⁵² Цит. по: Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. С. 226.

отдельно. Это относится к таким водным объектам как *Lacus Niger* (*Lago Negro* – вероятно, оз. Сайма) в окрестностях Выборга, *Lacus Piente* (*Piente lago* – оз. Пяйянне) на юге, *Holela Lacus* (*Lago Olela*, *Holea* – судя по расположению, оз. Кейтеле) в центральной части полуострова. Резюмируем, что изображение четвертого типа дает довольно точное представление о внутренних территориях полуострова, однако для более ясной картины требуются дополнительные сведения.

На данном этапе картографического изображения полуострова окружающие «Скандию» острова также показаны сравнительно верно. Острова датского архипелага (Зеландия, Лоланн, Фюн, Фемарн), а также другие острова в Балтийском море (Борнхольм, Аландские, Готланд, Эланд, Осилия) имеют правильные очертания и локализацию. На территорию Зеландии и Готланда – как крупнейших из представленных – нанесены названия населенных пунктов. Отметим, что на большинстве региональных карт небольшие острова отмечены достаточно схематично. Аландские острова к югу от Швеции теперь правильно изображаются в виде группы островов. На некоторых картах появляется легенда датского острова Нюкёбинг восточнее Лоланна²⁵³. На картах Олафа Магнуса и Де Жодэ расположение островов у берегов Дании немного расходится с действительным. Так, о. Борнхольм отмечен к югу от полуострова; о. Фюн находится севернее Зеландии, а о. Фемарн – на одной широте с о. Лоланн. Число островов на западном побережье Норвегии возросло по сравнению с третьим типом описания; юго-западный берег изрезан фьордами.

«Морская карта», послужившая основой четвертого типа, содержит многочисленные отсылки к скандинавским и античным мифам. Существуют разные мнения о том, что пытался сказать своей картой Магнус. Безусловно, что, как патриот своей страны, он стремился представить родной регион западному миру, подробно описав природные особенности Скандинавии. С

²⁵³ Carta Marina (Olaus Magnus, 1539); Septentrionaliu Regionum ... (Gerard de Jode, 1593); Septentrionalium Regionum Suetiae ... (Johann Bussemacher, 1593).

другой стороны, его работа словно подтверждает известное еще с античности представление о северных землях как обители эсхатологических народов Гога и Магога²⁵⁴. Многочисленные миниатюры наряду с иллюстрацией национальных обычаев и исторических событий свидетельствуют об опасности северного региона. Вот несколько примеров: у западной морской границы изображена древнегреческая Харибда; к югу от Тромсё в Норвегии дьявол подметает пол конюшни; неподалеку от Вардё можно встретить небольшого дракона; морские монстры вдоль побережья полуострова нападают на корабли и друг друга.

Однако, что кажется более вероятным, публикация «Морской карты» имела противоположную цель: изображенные чудеса относятся к дохристианскому прошлому Скандинавии. Католическая вера очистила регион от дьявольских козней, т.е. имеет место христианская риторика. Мы еще вернемся к данному выводу в следующем параграфе, где пойдет речь о литературном продолжении карты – книге Магнуса «История северных народов» (1555 г.). По мнению специалиста по эпохе Возрождения Ф. Лестрингана, позиция шведского историка в этом вопросе амбивалентна: при создании карты автор стремился изобразить чудеса Севера, с одной стороны, и подчеркнуть роль католической веры, с другой²⁵⁵. Мы склонны согласиться с данной точкой зрения. Так или иначе, «Carta Marina» представляет собой своеобразную энциклопедию Скандинавии и имеет множество трактовок. Остановимся на общих моментах, характерных для карт четвертого типа. Любопытно, что вместе с более подробным и правильным изображением Скандинавии, для них свойственно большинство мифических элементов, используемых в картографической традиции первого, второго и третьего типа.

²⁵⁴ Чекин Л.С. Первые карты Скандинавского полуострова. С. 73.

²⁵⁵ Цит. по: Rolley de T.M. Putting the Devil on the map ... P. 193.

Легенда Скандии в центре полуострова, очевидно, выступает в роли отсылки к античной «Скандии»²⁵⁶. Если верить надписи на одном из четырех островов Северного полюса, там по-прежнему обитают пигмеи²⁵⁷. Средневековая легенда о магнитном камне также не забыта. На карте Северных стран Г. Меркатора в центре Северного полюса расположена Черная скала (*Rupes Nigra*), обладающая магнитными свойствами²⁵⁸. Олаф Магнус поместил магнитный остров (*Insula Magnetu*) под Северным полюсом в районе Биармии.

Еще один остров – легендарный Туле – отождествляют с Исландией²⁵⁹. Он изображается к западу от полуострова южнее Гренландии и имеет несколько поселений. На других картах Туле и Исландия представлены отдельно²⁶⁰. Мифический остров размещен по соседству с фантомными землями – Фрисландией, Эстландией, Эстотиландией, Дрогео, Икарией. Впрочем, появление этих территорий не имеет мифической подоплеки и считается результатом географической ошибки²⁶¹. Эти территории представлены даже на мировой карте²⁶².

²⁵⁶ Carta Marina (Olaus Magnus, 1539); [Russia, Sweden, Finland, Estonia Latvia and Lithuania] (Giacomo Gastaldi, 1562).

²⁵⁷ Septentrionalium Regionum Descrip. (Abraham Ortelius, 1570); Septentrionalium Terrarum description (Gerard Mercator, 1595); Scandia, sive regiones septentrionalis (Giovanni Antonio Magini, 1596).

²⁵⁸ Septentrionalium Terrarum description (Gerard Mercator, 1595).

²⁵⁹ Septentrionalium Regionum Descrip. (Abraham Ortelius, 1570); Septentrionalium Regionum Descrip (Abraham Ortelius, 1592); Septentrionalium Terrarum description (Gerard Mercator, 1595); Scandia, sive regiones septentrionalis (Giovanni Antonio Magini, 1596).

²⁶⁰ Carta Marina (Olaus Magnus, 1539); Gemeine beschreibung aller Mitnächtigen Länder [...] (Sebastian Münster, 1546).

²⁶¹ Идея об островах к югу от Исландии получила широкое распространение благодаря книге Н. Дзено (1558 г.) об открытии данных островов членами его семьи, братьями Дзено, в XIV в. К книге была приложена карта с изображением островов, составленная Дзено-младшим на основании карты и семейных писем конца XIV–XV вв. Публикация вызвала череду споров о реальности этих территорий. Благодаря карте Н. Дзено, Фрисландию можно увидеть на любой мировой карте в период между 1558 и 1660 гг. Фрисландия и Эстотиландия исчезают со всех карт только к концу XVII в. [Рамсей Р. Открытия, которых никогда не было. С. 56–57].

²⁶² Typus Orbis Terrarum (Abraham Ortelius, 1570).

На некоторых картах Эстотиландия изображается в виде огромного острова, напоминающего Гренландию, в районе Квебека. Дрогео – маленький остров к юго-востоку от Эстотиландии и западу от Фрисландии. У Рускелли отмечены Икария на северо-западе от Фрисландии и Эстландия к юго-западу от Норвегии²⁶³. Описание островов не позволяет усомниться в их реальности: на них нанесены поселения, водные объекты. Эстландия имеет 13 топонимов. В левом верхнем углу карты «Septentrionalium» Меркатора, 1595 г. есть врезка Фрисландии с почти 30 географическими названиями. Остров Фрисланд находился в числе реально существующих земель, «принадлежащих норвежской короне»²⁶⁴, вплоть до середины XVII в. Как и прежде, античный гидроним *Oceanus Hyperboreus* используется для обозначения водного пространства к западу от Скандинавии. Наконец, хороним Биармии отсылает нас к средневековым скандинавским текстам, где Бьярмаланд выступает в качестве богатой фантастической страны – месте обитания великанов и колдунов.

Итак, мы видим, что во второй половине XVI в. мифические элементы сохраняют свои позиции на картах Скандинавии. Отчасти, это связано с доверием к авторам более раннего времени и, как следствие, фиксацией прежних данных. Возможно, это также свидетельствует о консерватизме некоторых картографов. Отчасти, причина в недостатке эмпирических знаний: освоение северного региона не было завершено. Фантомные острова, Туле рассматривались в качестве реальных территорий. Третья причина, что мировоззрение того времени не было полностью научным. Например, легенду о магнитном камне на Северном полюсе могли считать достоверной.

Отметим также следующее: на данном этапе развития картографирования некоторые фантастические элементы используются в качестве украшения. Так, миниатюры кораблей, морских чудовищ на просторах Атлантики служат цели привлечения внимания к карте. К примеру,

²⁶³ Septentrionalium partium nova tabula (Girolamo Ruscelli, 1561).

²⁶⁴ Рамсей Р. Открытия, которых никогда не было. С. 43.

А. Ортелиус изображает в левом нижнем углу карты получеловека-полузмея, в правом – существо, соединяющее в себе льва, буйвола и морского змея; на картуше размещена обычная обезьяна и создание, похожее на кентавра с копытами оленя²⁶⁵. Изображение обезьяны вместе с экзотическими существами выглядит, на первый взгляд, ничем не обоснованным и обусловленным исключительно намерением картографа украсить карту. Вспомним, однако, легенду с упоминанием пигмеев на карте К. Клавуса. По мнению Альберта Великого, «пигмеи – нечто среднее между обезьяной и человеком»²⁶⁶. Также песьеглавцы, упомянутые ранее в контексте мифа о народах Гога и Магога на европейском севере, рассматривались «как разновидность обезьян или как народ, сходный с обезьянами»²⁶⁷. Мы не знаем, чем руководствовался А. Ортелиус, однако, подобные ассоциации имеют место быть, и появление обезьяны можно рассматривать в контексте уважения к предшествующей традиции.

Четвертый тип изображения знаменует разрушение устоявшейся традиции в картографическом изображении полуострова: связи с Гренландией (вторая и третья модели) и описании Скандинавии в виде группы островов (вторая модель). Формируются представления о юго-западном выступе (оконечность Финляндии) и северо-восточной части Скандинавии (Кольский полуостров). Оформление внутреннего пространства и внешних границ становится более точным и детальным, но требуется дальнейшее изучение географии полуострова. Гербы государств, цветовая символика используются в политических целях (для фиксации принадлежности определенной территории).

Можно выделить несколько примеров, демонстрирующих геополитическую ситуацию того времени: оформление в одном цвете Швеции

²⁶⁵ Septentrionalium Regionum Descrip. (Abraham Ortelius, 1570); Septentrionalium Regionum Descrip. (Abraham Ortelius, 1592).

²⁶⁶ Чекин Л.С. Первые карты Скандинавского полуострова. С. 77.

²⁶⁷ Там же.

и Финляндии; земель на юго-востоке полуострова (видимо Халланда и Сконе) и Дании; острова Эланд и шведского королевства; Норвегии, Дании и о. Готланд. Последний пример, по-видимому, указывает на события, следующие после распада Кальмарской унии в 1523 г.: создание Датско-Норвежского государства в 1536 г. и передача о. Готланд Датскому королевству по условиям Штеттингского мира 1570 г.

При этом «объединение» территорий с помощью цвета не всегда отражает действительность и может рассматриваться как конструирование политической реальности. Предположим, что присоединение Кольского полуострова и Восточной Карелии к Шведскому королевству на некоторых картах отражает притязания Швеции и ее растущее влияние на международной арене. Мифические элементы (под ними понимается все совокупность признаков, отвечающих за «инаковость» территории) остаются на картах северного региона. Их также используют для выражения «авторских» идей: привлечения внимания к Скандинавии или в декоративных целях. Приведем цитату, используемую для анализа «Морской карты» Олауса Магнуса: «ее отличали все знания, но также все заблуждения прежних веков»²⁶⁸. На наш взгляд, данное высказывание можно применить для характеристики четвертого типа изображения. Во второй половине – конце XVI столетия карты Скандинавии еще не стали тем, чем они являются сегодня (стратегическим и административным инструментом), но содержали в себе всю известную информацию о территории – как реальную, так и нет.

Итак, за два столетия произошла значимая трансформация в восприятии и, соответственно, изображении Скандинавии: от *terra incognita* на краю мира до территории с оформленными внешними и внутренними границами, имеющей собственные политические амбиции и связи с соседними государствами. Если в первой половине XV в. (первый тип изображения) описание полуострова базируется на отрывочных сведениях и

²⁶⁸ Spies M. Arctic Routes to Fabled Lands: Olivier Brunel and the passage to China and Cathay in the sixteenth century. Amsterdam: Amsterdam University Press, 1997. P. 76.

мифологических представлениях, то на рубеже XVI столетия Скандинавия приобретает реальные очертания.

Образ Скандии на картах первого типа отвечает идее «территории иных на краю земли». Маркерами инаковости служат мифические топонимы и существа. Схематичное изображение береговой линии, внутренней территории полуострова также оставляет пространство для воображения, свидетельствует о не изученности, и потому, потенциальной опасности незнакомых земель. В первой половине XVI в. в изображении географии северных стран доминирует неопределенность: распространение второго и третьего типа описания характерно примерно для одного периода времени. Второй (вторая половина XV в. – первая половина XVI в.) можно рассматривать как компромисс между античной островной и средневековой полуостровной теориями: Скандинавия в виде группы островов связана перешейком с континентом и Гренландией. Отметим, что изображение не одного, а нескольких островов Скандинавии отражает античные представления о «множестве островов на севере».

Во второй модели также воплощена идея «территории иных»; некоторые картографы делают акцент на политической принадлежности территорий (использование цвета и легенды). На картах первого и второго типа сохраняется смысловое значение иного как представителя фантастического мира, обители сказочных существ и чудес, но сопоставление иного и «нехристя» утрачивает силу. Изображение третьего типа (первая половина XVI в.) представлено картами, где Скандия присоединена к материку, имеет меридиональное направление и сохраняет связь с Гренландией. Мифический Туле соотносится с реальной территорией. Так, «материализуясь» как часть общеевропейского пространства, она практически утрачивает инаковость и статус «территории иных на краю света». Ближе к концу XVI в. (четвертый тип) картографическое описание Скандии стало во многом отвечать современным представлениям о регионе, что связано с активизацией экономической и политической жизни стран Скандинавии. Цветовая

символика используется для демонстрации политической связи территорий. По сравнению с первой моделью, территория Скандии практически не содержит пустых пространств. Благодаря этому, на наш взгляд, полуостров на картах четвертого типа выступает в качестве освоенного, «знакомого» пространства, тем самым, более безопасного.

Вместе с тем, данная модель содержит большинство мифических элементов, характерных для предыдущих типов. Как было отмечено, это имеет ряд причин: дань предшествующей традиции, инициатива отдельных картографов, направленная на создание определенного образа территории. Напомним также, что любая карта представляет собой культурный текст, отражающий мировоззрение и ментальные установки своего времени. По мнению французского исследователя Т. М. де Ролли, «Ренессанс был веком открытий, но также веком демонологии»²⁶⁹. В сознании людей сохраняется вера в сверхъестественное, фантастические земли на далеком севере. Чудесное остается частью географической реальности. Таким образом, четвертая модель транслирует образ Скандии как части геополитического пространства Европы, сохраняющей положение «обитатели иных» – мира фантастических существ и чудес. Ряд карт отражает притязания Швеции на северные и северо-западные земли России («присоединение» этих территорий за счет использования цветовой и гербовой символики). «Сконструированная» реальность, вероятно, служит цели подчеркнуть растущую роль Шведского государства и его «право» на данные земли. Данная идея о «набирающей силу Швеции» не является основной на картах того периода, но дополняет образ Скандинавии, сформированный в европейской картографии на рубеже XVII в. Карты Скандинавии конца XVI столетия представляют собой переходный этап от мифологического сознания к научному, свойственному Новому времени. Они используются в качестве политического инструмента, выполняют развлекательную и информативную роль. Для иных целей – навигационных, дипломатических и торговых – необходимо создание

²⁶⁹ Rolley de T.M. Putting the Devil on the map ... P. 180.

топографической карты Скандинавии, что произойдет только в следующем столетии.

Рис. 5. «Septentrionalium Regionum Descrip.» (Abraham Ortelius, 1592).

Фрагмент карты Северных стран.

URL: <https://www.raremaps.com/gallery/detail/65611/septentrionalium-regionum-descrip-ortelius>

2.5. Образ Скандии в «Истории северных народов» Олауса Магнуса.

Историко-этнографическое сочинение Олауса Магнуса о «полночных народах» написано, прежде всего, для западноевропейского читателя, чьи фактические знания о севере Европы были ограничены. Тем самым, данная работа интересна нам с точки зрения образа северных земель, который стремился продемонстрировать автор западному миру. Как уже упоминалось, «История» является комментарием к «Морской карте». Значение карты для европейской картографической традиции и ее краткий анализ приведен нами в четвертом параграфе. «История северных народов» представляет собой монументальный труд, содержащий разнообразную информацию о северном регионе: от описания природных явлений и магических практик до принципов управления и методов ведения войны. События недавней истории сменяют примеры из прошлого современных государств и государств античности. В своей работе Магнус ссылается как на труды античных и средневековых авторов, так и на работы своих современников (Иоанна Магнуса, Себастьяна Мюнстера, Альберта Кранца).

При анализе текста необходимо принимать во внимание идеологические и религиозные убеждения автора. Противник Реформации, известный своими прокатолическими взглядами, и патриот своей страны Магнус во многом оценивает события с этих позиций. Как справедливо замечает Е.А. Савельева, он объективен в передаче событий, но субъективен в их оценке²⁷⁰. Из множества идей, представленных в книге, рассмотрим те из них, из которых складывается образ Скандинавии.

Олаус Магнус дает описание обитателей отдаленных северных областей (Биармии, Финмаркии, Скрикфиннии²⁷¹), в качестве «стран» выделяет Лаппонию (Лапландию), Швецию, Гётию, Норвегию, Вермланд и

²⁷⁰ Савельева Е.А. Олаус Магнус и его «История северных народов». С. 5.

²⁷¹ Север современной Финляндии.

Бергслаген²⁷². К северным странам он относит также Московию, упоминает Данию и Исландию. Однако центральной темой работы выступает характеристика северных народов в целом. В отличие от своих современников Магнус дает жизнеописание народов, а не «историю войн и королей»²⁷³. На страницах книги автор передает связь природы и человека, влияние климата на характер и особенности жизни. На эту особенность «Истории» впервые обратил внимание шведский исследователь творчества Магнуса Х. Хильдебранд²⁷⁴. Название «полночные народы» происходит от того, что «люди на Севере шесть месяцев живут при постоянном свете, а затем столько же — в полной тьме...»²⁷⁵. «С начала октября и до конца апреля народы Севера переживают очень суровые зимы, бесконечно долгие ночи, ураганные ветра, свирепые морозы, снегопады, густой мрак, бури, необычные холода и другие, сменяющие друг друга явления суровой природы...»²⁷⁶; «с приходом весны...начинаются невыносимо зловонные серные дожди, за которыми вскоре следуют ужасные грозы, и всех охватывает дрожь от страха»²⁷⁷ — данные высказывания дают исчерпывающее представление о погодных условиях на севере. Северный климат предстает непобедимой силой: «в северных странах смерчи и ураганы имеют устрашающую силу и очень опасны...»; «в северных странах зима более холодная, морозная и суровая, чем в других местах...»; «...страна (Швеция), где мороз всемогущ»²⁷⁸. Влиянием климата автор обуславливает силу характера жителей севера: «стихии тех стран очень суровы, но суровы также и характеры людей, особенно благородных и знатных, которые

²⁷² Бергслаген — историко-культурный регион в центральной Швеции, известный горнодобывающим производством. Верmland — историческая провинция Швеции на границе с Норвегией.

²⁷³ Савельева Е.А. Олаус Магнус и его «История северных народов». С. 8.

²⁷⁴ Там же. С. 17.

²⁷⁵ Магнус О. История северных народов [Электронный ресурс] / пер. с лат. Я. Лапатка // Восточная литература. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Olaus_Magnus/text1.htm (accessed: 03.04.2021).

²⁷⁶ Там же. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Olaus_Magnus/text15.htm (accessed: 03.04.2021).

²⁷⁷ Там же. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Olaus_Magnus/text1.htm (accessed: 03.04.2021).

²⁷⁸ Там же.

легко преодолевают все невзгоды, вызванные жестокими природными условиями...»²⁷⁹. Свободолюбие и прилежание, свойственные северным народам, также связаны с условиями жизни: «наверное они и не извели рабского ига потому, что нещедрая природа сама уже наказывает их своей скудностью»²⁸⁰ и «едва ли в Европе и даже во всем мире есть народ, который возделывал бы землю с таким тщанием и столь прилежно, как обитатели полных стран... И если бы народы Италии работали и жили в таких же трудных условиях, они вряд ли были бы столь счастливы»²⁸¹. Развивая свою мысль, Магнус рассматривает жизнь среди суровой природы как выбор взамен потери свободы: «вероятно, они по своей воле терпят суровость этой земли, неблагоприятность небес и пещерную жизнь, чтобы быть свободными от утеснений и невыносимых податей ненасытных тиранов, которым даже безбрежный океан видится маленьким сосудом»²⁸². Влиянием жизни на севере, вероятно, обусловлено долголетие («Люди, обитающие в этих холодных краях, живут по сто шестьдесят лет и более...»²⁸³), и развитие таких качеств, как смирение перед жизненными трудностями и умение радоваться жизни («...они не ругают и не проклинаят невыносимый холод и тьму...»²⁸⁴; «...смерть приветствуют радостными песнями»²⁸⁵; «...они утешаются тем, что все эти тяготы проходят, а потому с великой радостью и весельем приветствуют появление солнца, сопровождая это особыми обрядами и танцами, своими у каждого народа»²⁸⁶). Жители северных стран, приспособившись к суровой жизни, используют природные условия себе на пользу: строят снежные крепости

²⁷⁹ Магнус О. История северных народов [Электронный ресурс] URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Olaus_Magnus/text16.htm (accessed: 03.04.2021).

²⁸⁰ Там же. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Olaus_Magnus/text4.htm (accessed: 03.04.2021).

²⁸¹ Там же. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Olaus_Magnus/text13.htm (accessed: 03.04.2021).

²⁸² Там же. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Olaus_Magnus/text4.htm (accessed: 03.04.2021).

²⁸³ Там же.

²⁸⁴ Там же. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Olaus_Magnus/text3.htm (accessed: 03.04.2021).

²⁸⁵ Там же. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Olaus_Magnus/text4.htm (accessed: 03.04.2021).

²⁸⁶ Там же. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Olaus_Magnus/text15.htm (accessed: 03.04.2021).

для тренировки и закалки духа, устанавливают сваи при помощи льда для укрепления замков и городов. К числу военных хитростей северян относят нападение на крепость со льда, устройство укреплений среди лесов и скал и заманивание противников в ямы-ловушки. Среди достоинств народов северного региона Магнус упоминает также гостеприимство, уважение к старшим, нравственные качества. Он приводит примеры, где демонстрируется их мужество, гордость, готовность отстоять свою родину перед лицом врага.

Отдельного внимания заслуживают народы Крайнего Севера²⁸⁷, которые в силу удаленности от цивилизации, наделены чистотой души и неиспорченностью. Автор называет их «простодушными детьми природы»: «...единственное их стремление — это избежать бедности, а не накопить богатство. Жажда наживы неизвестна этим людям...грабеж считается особо тяжким преступлением»²⁸⁸. Примеры торговых отношений у этих народов свидетельствуют в пользу их чистосердечия: им неизвестно золото, оплата производится мехами, тканями, солью и рыбой, и «они ведут меновую торговлю бесхитростно и честно»²⁸⁹. Магнус противопоставляет простодушные племена Крайнего Севера коварству купцов из Московии, которые расплатились с ними железными и свинцовыми монетами. Жители отдаленных северных областей еще более зависимы от природных условий, что сказывается в особых умениях. Так, описывая обитателей Скрикфинии, он упоминает об их ловком способе передвижения на деревянных досках (лыжах). Образ жизни этих людей прост и суров: «...даже летом живут посреди снегов, питаются сырым мясом диких животных, а из грубошерстных шкур таких зверей мастерят

²⁸⁷ У Магнуса это территория Биармии, Скрикфинии, Лаппонии.

²⁸⁸ Магнус О. История северных народов [Электронный ресурс] URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Olaus_Magnus/text4.htm (accessed: 03.04.2021).

²⁸⁹ Там же. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Olaus_Magnus/text13.htm (accessed: 03.04.2021).

себе одежды»²⁹⁰. Ношение шкур обусловлено не стремлением украсить себя, а из соображений необходимости. Вышеперечисленные особенности, по-видимому, положительно оцениваются автором, чего нельзя сказать об «идолопоклонстве, этом величайшем заблуждении северных народов»²⁹¹ (рис. 6). В особенности это присуще жителям Крайнего Севера. К закоренелым язычникам он причисляет бьярмов, «предпочитающих искусство чародейства мощи оружия»²⁹²; «среди обитателей северной Ботнии в любом месте можно встретить ведунов и чародеев», «в некоторых местах...королевства Норвегии и Вермланда» сохраняется поклонение демонам²⁹³. Что касается колдуний и ведьм, то их, по утверждению автора, «в Северных странах великое множество»²⁹⁴. Приемами волшбы, «этим дьявольским занятием»²⁹⁵, владеют жители Хельсингланда²⁹⁶, Финляндии и Лаппонии, умеющие подчинять природу, насылая болезнь и предсказывать будущее. Впрочем, по мнению Магнуса, после приобщения к христианской вере эти запрещенные умения в открытую не применяются. Как он отмечает, «...большая их часть (жителей Крайнего Севера) все еще пребывает в своих еретических заблуждениях...но те, что уже обратились в христианскую веру, истово блюдут ее законы и обряды...»²⁹⁷. Новообращенные из герцогства Финляндского и Западной Ботнии «добры друг к другу, непритязательны в быту и незлобливы...у них прекрасные церкви»²⁹⁸. Не одобряя языческие

²⁹⁰ Магнус О. История северных народов [Электронный ресурс] URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Olaus_Magnus/text1.htm (accessed: 03.04.2021).

²⁹¹ Там же. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Olaus_Magnus/text3.htm (accessed: 03.04.2021).

²⁹² Там же. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Olaus_Magnus/text1.htm (accessed: 03.04.2021).

²⁹³ Там же. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Olaus_Magnus/text3.htm (accessed: 03.04.2021).

²⁹⁴ Там же. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Olaus_Magnus/text14.htm (accessed: 03.04.2021).

²⁹⁵ Там же. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Olaus_Magnus/text3.htm (accessed: 03.04.2021).

²⁹⁶ Хельсингланд – историческая провинция Швеции в регионе Норрланд на севере Скандинавского полуострова.

²⁹⁷ Магнус О. История северных народов [Электронный ресурс] URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Olaus_Magnus/text4.htm (accessed: 03.04.2021).

²⁹⁸ Там же.

практики северных народов, автор видит причины приверженности к язычеству в их простодушии, неразумности и проживании в труднодоступных местах вдали от цивилизованного мира. По сравнению с характеристикой последователей учения Лютера («малодушных грязных вырожденцев»²⁹⁹), отношение к язычникам менее категоричное. Тот факт, что последние еще не «услышали истинное слово Божие»³⁰⁰, по-видимому, служит им оправданием. Тем самым, житель Крайнего Севера на страницах «Истории» выступает в качестве «простодушного дикаря», по незнанию сохранившего языческие верования. Как отмечает скандинавист Е. Бальзамо, Магнус «реабilitирует» обитателей Крайнего Севера, описывая не «диких варваров», но людей, живущих вдали от цивилизации в согласии с природой³⁰¹.

Следующей темой, на которую хотелось бы обратить внимание, является образ Шведского королевства и шведского народа в книге. Будучи патриотом, Магнус много внимания уделяет описанию Швеции и обычаев ее жителей. Ссылаясь на брата, Иоанна Магнуса и его работу «История готских королей», он поддерживает идею о происхождении древних королей гётов и свеев от сыновей Ноя, расселившихся впоследствии по всему миру. Швеция выступает прародиной множества народов: «и как свидетельствуют многие надежные авторы, отсюда произошли тридцать четыре короля, которые основали могущественные царства по всему миру...»³⁰².

Олаус Магнус, в свою очередь, повествует о методах правления и личности отдельных правителей. Положительно оценивается деятельность

²⁹⁹ Магнус О. История северных народов [Электронный ресурс] URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Olaus_Magnus/text14.htm (accessed: 03.04.2021).

³⁰⁰ Там же. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Olaus_Magnus/text4.htm (accessed: 03.04.2021).

³⁰¹ Balzamo E. The Geopolitical Laplander. From Olaus Magnus to Johannes Schefferus // Journal of northern studies. 2014. Vol. 8 (2). P. 35.

³⁰² Магнус О. История северных народов [Электронный ресурс] URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Olaus_Magnus/text8.htm (accessed: 03.04.2021).

Эрика IX Святого (положил начало католической колонизации современной Прибалтики и Финляндии), Стена Стуре Старшего (успешно осуществлял управление в Финляндии) и Сванте Стуре (участвовал в мятеже против датского правления). Карл VIII Кнутссон порицается за поступки его «алчных, грубых и безнравственных» наместников³⁰³.

Что касается личности современника Магнуса, короля Густава Вазы или Густава I, то признавая его значимую роль в становлении суверенной Швеции, Магнус не дает прямой оценки его дальнейшему правлению. Некоторые высказывания отражают отношение автора к церковной реформе 1539 г. Так, упоминание «богомерзких поступков»³⁰⁴ и «безбожных законов»³⁰⁵ служит отсылкой к деятельности монарха по внедрению лютеранства. Таким образом, не все правители Швеции оцениваются положительно, но те из них, кто отстаивает суверенитет страны, привержен «древней вере»³⁰⁶ и правит, руководствуясь разумом и справедливостью. Характеризуя гётов и свеев, автор приводит как общие для всех северных народов особенности характера (например, гостеприимство), так и отличительные черты (строгую военную дисциплину, искусство ведения боя, умение отстоять свою честь). Примечательно, что на фоне других народов древности или современности народы Швеции показаны с лучшей стороны.

По замечанию Е.А. Савельевой, в сочинении «благородный» Север противопоставляется «развращенному» Югу³⁰⁷. Так, подчеркивается, что готы (выходцы из Швеции, если следовать этногенетической легенде братьев Магнусов) во время осады Рима не оскверняли храмы, тогда как римляне нарушили обещание, данное готам. Следующий пример демонстрирует превосходство шведов в религиозном вопросе. «...Эрик Святой совершил

³⁰³ Магнус О. История северных народов [Электронный ресурс] URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Olaus_Magnus/text11.htm (accessed: 03.04.2021).

³⁰⁴ Там же. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Olaus_Magnus/text16.htm (accessed: 03.04.2021).

³⁰⁵ Там же. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Olaus_Magnus/text8.htm (accessed: 03.04.2021).

³⁰⁶ Там же.

³⁰⁷ Савельева Е.А. Олаус Магнус и его «История северных народов». С. 59.

поход против тавастов, карел и ботнийцев, которые ранее упорно отвергали мирные предложения, быстро покорил их и обратил в христианскую веру»; «даже обитатели Италии, которые мнят себя самыми образованными и порядочными...долгое время упрямылись и сколько тысяч мучеников они потеряли, прежде чем восприняли веру Христову»³⁰⁸. При взаимодействии с москвитами (хитрыми, дерзкими, самонадеянными, нацеленными на грабеж чужих земель) жители Свеаланда и Гёталанда выступают в роли защитников своей территории, вынужденно вступающих с ними в бой. Е.А. Савельева, давая оценку русско-шведским отношениям, представленным в труде Магнуса, отмечает их тенденциозный характер³⁰⁹.

Вероятно, ключевое значение здесь имеет политическое соперничество двух государств на сопредельной территории. Необходимо учесть религиозный фактор: при описании москвитов неоднократно подчеркивается, что они «схизматики и еретики»³¹⁰, враги веры. Единственный пример, когда «в жестокости своей москвитов превосходили swei и гёты...», связан с наказанием слуг за празднование Рождества «ненадлежащим образом»³¹¹.

По отношению к финнам Шведское королевство занимает позицию покровителя. Во-первых, «силой оружия шведских королей и проповедями епископов»³¹² финны были приобщены к христианской вере. Во-вторых, дикость финнов противопоставляется мудрости шведов: терпеливые и разумные наместники короля Швеции в Финляндии сравниваются с «дикими, своенравными и упрямыми жителями этих краев»³¹³. Дания выступает в роли

³⁰⁸ Магнус О. История северных народов [Электронный ресурс] URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Olaus_Magnus/text2.htm (accessed: 03.04.2021).

³⁰⁹ Савельева Е.А. Олаус Магнус и его «История северных народов». С. 69.

³¹⁰ Магнус О. История северных народов [Электронный ресурс] URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Olaus_Magnus/text2.htm (accessed: 03.04.2021).

³¹¹ Там же.

³¹² Там же. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Olaus_Magnus/text3.htm (accessed: 03.04.2021).

³¹³ Там же. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Olaus_Magnus/text11.htm (accessed: 03.04.2021).

антагониста с давних времен по настоящий момент. Ссылаясь на Саксона Грамматика, вину за вражду данов и народов Швеции Магнус возлагает на датчан: как результат «насилий и жестокостей...вероломства и коварства по отношению к дружески настроенным соседям»³¹⁴. Изображая современные автору события, он повествует об упорной борьбе шведов, особенно жителей Далекарлии против датских монархов Христиана I, Иоанна, Христиана II, завершившейся обретением Швецией независимости. Произошедшее преподносится как закономерный результат многовекового противостояния. При описании прежних столкновений делается акцент на том, что «эти народы (даны и их союзники) находили в Швеции скорее могилу, чем триумф»³¹⁵. Таким образом, Швеция в труде Магнуса представлена как страна с великим историческим прошлым и «истинной верой», где проживают благородные, мудрые, свободолюбивые и отважные люди. Современная автору действительность, вероятно, оценивается им не столь положительно, учитывая становление лютеранской религии в годы правления Густава I.

Наравне с описанием повседневной деятельности северных народов шведский историк упоминает персонажей скандинавской и греческой мифологии (великанов, гигантов, гномов, сатиров), героев эпоса и легенд. Реальные события и мифические сказания переплетаются на страницах «Истории». Тема чудес заслуживает отдельного внимания. В отличие от мифологических персонажей, о которых Магнус в большинстве случаев пишет, что они жили на севере в давние времена, чудеса описываются как часть повседневной реальности. Приведем несколько примеров таких явлений. В одной из глав идет речь о бесах, проживающих в рудниках. Некоторые из них, зловредные, причиняют вред, а некоторые, наоборот – помогают людям и поднимают руду на поверхность. Существование оборотней, как полагает автор, также не выдумки: «в странах,

³¹⁴ Магнус О. История северных народов [Электронный ресурс] URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Olaus_Magnus/text8.htm (accessed: 03.04.2021).

³¹⁵ Там же. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Olaus_Magnus/text11.htm (accessed: 03.04.2021).

простирающихся на север, такое встречается во множестве даже в наши дни»³¹⁶. В этом вопросе он не согласен с Плинием, считающим обратной стороной персонажами сказок. Приводится способ, как осуществить превращение человека в волка, освещаются особенности поведения таких существ и приметы, с ними связанные.

В северных странах следует проявлять осторожность не только на земле, но и на море. «...Рыболовство в Норвежском Океане – занятие опасное по многим причинам...»³¹⁷. Одна из них – морские чудовища или огромные рыбы, нападающие на корабли. Согласно примете, появление «рыб львиного облика или рыб с лицом человека» служит предвестием войны³¹⁸. Примером необычного феномена, который «происходит в Северных странах гораздо чаще, чем где бы то ни было», служит дождь из мышей, рыб, лягушек и других существ³¹⁹ (рис. 7). Впрочем, автор признает, что данное явление случается сегодня редко. На юге Гёталанда и неподалеку от Трондхейма есть озера, которые никогда не замерзают; благодаря «огненным свойствам», в их водах можно готовить еду³²⁰. Горы Онгерманланда производят «ужасающий звук, подобный подземному грому»³²¹. На Крайнем Севере располагаются магниты, служащие ориентиром для кораблей.

Наконец, описание Биармии также содержит фантастические элементы. Название страны восходит к скандинавским сагам. Там «живут некие народы, ужасные и странные...на пути встречаются неодолимые

³¹⁶ Магнус О. История северных народов [Электронный ресурс] URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Olaus_Magnus/text18.htm (accessed: 03.04.2021).

³¹⁷ Там же. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Olaus_Magnus/text21.htm (accessed: 03.04.2021).

³¹⁸ Там же.

³¹⁹ Там же. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Olaus_Magnus/text20.htm (accessed: 03.04.2021).

³²⁰ Magnus O. *Historia de gentibus septentrionalibus*, Romae 1555 = Description of the northern peoples, Rome 1555: in 3 vol. Vol. 1 / trans. by P. Fisher, H. Higgens. 2nd ed. London: The Hakluyt Society, 1996. P. 92. [перевод мой – А.Г.].

³²¹ Ibid. P. 97. [перевод мой – А.Г.].

опасности, превзойти которые смертному не всегда удастся»³²². Бьярмы, как уже было сказано, – колдуны, умеющие завораживать людей. Территорию за северными пределами Биармии автор описывает как «подвластную вечной тьме без проблеска света», где обитают монстры, в которых «невозможно поверить»³²³. Итак, чудеса у Магнуса выступают неотъемлемой частью реальности северных королевств.

Магнус рисует привлекательный образ народов европейского севера. В изложении шведского историка их отличительными чертами является свободолюбие, стойкость перед жизненными невзгодами, предприимчивость в условиях сурового климата, готовность защищать свою родину. Жители Крайнего Севера олицетворяют собой иных для автора – «простодушных дикарей» и язычников. По-видимому, языческие верования еще сохраняются на всей территории Скандинавии. Чудеса в «Истории» представлены как часть повседневной реальности. Описание фантастических существ и явлений дается наравне с информацией о географии, истории и этнографии северных народов. Наиболее благородными на фоне других народов выступают жители Шведского королевства (гёты и свеи). Подчеркивается их моральное превосходство, мудрость и стремление отстаивать независимость своей страны. Швеция – «прародина» многих народов и носитель «истинной веры» в прошлом – превозносится автором. Очевидно, что распространение лютеранства в странах Скандинавии беспокоит Магнуса. Однако он делает больший акцент на католическом наследии северных королевств. Так, на наш взгляд, присутствует амбивалентность в описании стран Скандинавии. С одной стороны, автор подчеркивает роль христианской эвангелизации на полуострове. С другой, Скандинавия в изложении Магнуса предстает в качестве «территории иных». «Обитель иных» сохраняет оба значения – мира чудес и убежища «нехристей», «дикарей». В особенности это относится к

³²² Magnus O. *Historia de gentibus septentrionalibus*, Romae 1555 ... P. 18. [перевод мой – А.Г.].

³²³ Ibid. P. 166. [перевод мой – А.Г.].

отдаленным северным территориям. Несмотря на это, автор стремится передать положительный образ жителей Крайнего Севера. Он описывает их честность, простодушие, близость к природе, т.е. переосмысливает понятие иного – от потенциально опасного и враждебного до еще не посвященного в «истинную веру», чье невежество временно³²⁴. В прошлом параграфе мы приводили возможные причины, почему Магнус, убежденный католик и патриот, изображает северные земли в таком ключе. Одна из вероятных причин заключается в следующем: описание чудес призвано заинтересовать западного читателя и, тем самым, привлечь внимание к родному региону. Что касается языческих практик, то шведский историк, по-видимому, воспринимает их как временное и менее опасное явление, в отличие от лютеранской религии.

Так или иначе, «История северных народов» транслирует противоречивый образ Скандинавии. С одной стороны, это «мир иных», где случаются чудеса и обитают «нехристи». Наиболее полно понятие Иного соотносится с жителями отдаленных северных территорий. С другой, делается упор на католическое наследие Скандии. Мы согласимся с мнением Е. Бальзамо, что Магнус стремится показать двойственный характер родного региона, не ограничиваясь выбором в пользу христианства или язычества³²⁵. Он также утверждает положение «Крайний север – место обитания простодушных дикарей». Следующие идеи, представленные в «Истории», связаны с доминирующей ролью Шведского королевства. Транслируется образ Швеции – «прародины многих западных народов» и «носителя католической веры». Ее жители оцениваются как «мудрые», «свободолюбивые», по своим моральным качествам превосходящие своих северных соседей и другие народы.

³²⁴ В XVI в. французский философ М. Монтеня высказывает идею, что «варварами» принято считать народы, на нас не похожие, и это единственный критерий. [Лучицкая С.И. Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. С. 10].

³²⁵ Balzamo E. The Geopolitical Laplander ... С. 33.

Рис. 6. Книга третья. Глава вторая. «Об идолопоклонстве обитателей Севера».
URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Olaus_Magnus/text3.htm

Рис. 7. Книга двадцатая. Глава тридцатая. «О падающих с неба рыбах, лягушках, мышах, червях и камнях»
URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Olaus_Magnus/text20.htm

Заключение

XV–XVI вв. являются значимым периодом в истории картографирования Скандинавии. На это повлияли как общие факторы (развитие европейской географической науки, освоение малоизвестных территорий), так и факторы, непосредственно связанные с данной территорией (активизация экономической и политической жизни стран Скандинавии, в особенности Швеции, вклад отдельных картографов в развитие картографирования региона). На основе анализа около 70 карт указанного периода было выделено четыре обобщенных типа изображения полуострова и четыре пространственных образа (ментальных модели) Скандии, характерных для каждого типа.

В картах первого типа (первая половина XV в.) нашла отражение полуостровная теория, характерная для раннесредневекового времени, согласно которой Скандия присоединена к материку. Некоторые карты представляют собой синтез островной и полуостровной гипотезы: античный топоним Скандия отождествляется с Норвегией и изображается в виде полуострова, а Швеция представлена как остров. На региональных картах второго типа (вторая половина XV в. – первая половина XVI в.) представлен компромисс между античными взглядами (Скандия в виде группы островов) и средневековой теорией о полуостровном положении территории (перешеек, связывающий группу островов с материком и Гренландией). Изображение не одного, а нескольких островов Скандинавии также отражает представления античности о существовании «целого множества островов на севере». Третий вариант (первая половина XVI в.) представлен картами, где Скандинавия присоединена к матерiku, имеет направление, близкое к современному (протяженность с севера на восток) и сохраняет связь с Гренландией. Четвертый тип изображения знаменует разрушение устоявшейся традиции в картографическом изображении полуострова: связи с Гренландией (второй и третий варианты) и описании Скандинавии в виде группы островов (второй вариант). На картах четвертого типа (вторая половина XVI столетия)

изображение приближено к современным представлениям (правильная ориентация полуострова, довольно точное и детальное оформление внутреннего пространства и внешних границ), что свидетельствует об освоении этой территории и применении новых знаний в картографировании. Таким образом, за два столетия картографическое изображение Скандинавии претерпело определенную трансформацию. На него оказали влияние как традиции античного и раннесредневекового времени, так и «новая география».

Представления античности и периода раннего и высокого Средневековья о Скандинавии как «убежище иных» нашли отображение на картах полуострова XV–XVI вв. Образ Скандии на картах первой (первая половина XV в.) и второй (вторая половина XV в. – первая половина XVI в.) модели отвечает идее «территории иных на краю земли». Сохраняется смысловое значение иного как представителя фантастического мира, обители фантастических существ и чудес, но сопоставление иного и «нехристя» утрачивает силу. Основными маркерами инаковости служат мифические топонимы (Туле, Рипейские горы, Гиперборея) и легенды о мифических существах (пигмеях, грифонов). Скудность географического описания на данном этапе картографирования полуострова оставляет простор для воображения и также влияет на восприятие территории как потенциально опасной и загадочной. В ходе трансформации изображения Скандия материализуется как часть общеевропейского пространства и практически утрачивает инаковость (третья модель). Данная модель (первая половина XVI в.) описывает Скандинавию как «продолжение» европейского мира. Присоединение к континенту носит символический смысл: слово «остров», начиная с античности, включало коннотации отдаленности и связанной с этим неизвестности; утратив островное положение, Скандинавия теряет эти значения. Четвертая модель (вторая половина XVI столетия) объединяет обе идеи: Скандия – часть геополитического пространства Европы и «обитель иных на краю земли» – мира фантастических существ и чудес. Ряд карт отражает политические притязания Швеции на северные и северо-западные

земли России. Новая идея о «набирающей силы Швеции» не является основной для данной модели, но дополняет образ Скандинавии, сформированный в европейской картографии на рубеже XVII в. Нарративный источник «История северных народов» Олауса Магнуса, литературное продолжение «Морской карты», послужившей основой четвертого типа изображения, привносит несколько дополнительных идей. Передается двойственный характер Скандии. С одной стороны, это «мир иных», где случаются чудеса и обитают «нехристи», с другой – подчеркивается католическое наследие скандинавских государств. Иные в «Истории» – «простодушные дикари», по незнанию сохранившие языческие обычаи, т.е. автор переосмысливает это понятие – от воплощения опасности и враждебности до того, кто еще не посвящен в «истинную веру», чье невежество временно³²⁶. Транслируется образ Шведского королевства – «прародины многих западных народов» и «носителя католической веры», жители которого превосходят другие народы в благородстве, мудрости, свободолюбии.

Положение о Швеции – родине готских народов, расселившихся по всему миру, соотносится с идеей раннесредневекового времени о Скандзе – прародительнице германских народов, но в первом случае делается акцент на исключительную роль Шведского королевства. Взгляды шведского картографа и историка на особое значение своей родины, свойственная ему христианская риторика отражают личную позицию автора. Однако сочинение Магнуса было популярно в Европе, тем самым, идеи о Скандинавии, отраженные в «Истории северных народов», получили известность в научных кругах. Итак, на рубеже XVII столетия сохраняются прежние представления о Скандинавском полуострове как мире фантастических существ и чудес. Иной как воплощение «нехристя» либо полностью утрачивает это значение, либо

³²⁶ Иные у О. Магнуса – прообраз «благородного дикаря» эпохи Просвещения, когда иные (невежественные, примитивные) рассматривались в контексте времени, а не пространства и понимались как будущие «мы». [Луцицкая С.И. Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. С. 8–9].

негативные коннотации, с ним связанные. Появляется идея о растущем влиянии Швеции, подкрепленная положениями об особом положении королевства среди других скандинавских государств (этногенетическая легенда, моральное превосходство шведского народа по сравнению с остальными).

В данной работе мы исходим из концепции, что любая карта представляет собой культурный текст, отражающий мировоззрение конкретного сообщества. Карты Скандинавии рассматриваемого периода демонстрируют эволюцию в изображении и восприятии северных земель: от *terra incognita* на краю света до территории с оформленными внешними и внутренними границами, имеющей собственные политические амбиции и связи с соседними государствами. Вместе с тем, изображение второй половины XVI в. содержит большинство мифических элементов, характерных для предыдущих типов. Фантастические существа, мифические топонимы присутствуют на картах полуострова. Чудесное остается частью географической реальности. Такое видимое, на первый взгляд, противоречие объясняется рядом причин, в качестве основных можно назвать уважение предшествующей традиции и сохранение веры в сверхъестественное на рубеже XVII столетия. Инициатива отдельных картографов, направленная на создание образа территории «чудес», также апеллирует к вере людей в фантастические земли на окраине мира. Карты Скандинавии четвертого типа демонстрируют переходный этап от средневекового символизма к научному сознанию, свойственному Новому времени. Они используются в качестве политического инструмента, выполняют развлекательную и информативную роль. Для иных целей (навигационных, дипломатических и торговых) требуется дополнительное изучение географии региона и создание топографической карты местности, отражающей «географическую реальность».

Список использованных источников и литературы

Источники

1. Barentsz W. [The North Pole map] *Deliniatio cartae trium navigationum per Batavos, ad Septentrionalem plagam, Norvegiae, Moscoviae, et Novae Semblae...*, 1598 // Российская национальная библиотека. К 0-Мир 7/7.
2. Behaim M. Behaim's globe, 1492 // Nuremberg, Germanisches Nationalmuseum. WI1826.
3. Bianco A. Andrea Bianco's World Map, 1436 // Venice, Nazionale Marciana. MS It. Z,76. fol. 8.
4. Borgia mappa mundi, XV century // Rome, Biblioteca Apostolica Vaticana, Borgiano XVI (galerie).
5. Bry T. de. *Conterfactur der 3 schiffarten [...]*, 1599 // Ginsberg W.B. Printed maps of Scandinavia and the Arctic, 1482–1601. New York: Septentrionalium Press, 2006. P. 172. (*Dritter Theil Indiae Orientalis [...]*).
6. Cantino World Map, 1502 // Modena, Biblioteca Estense.
7. Caveri (Canerio) N. Caveri [Canerio] world map, 1502–1507 // Bibliothèque nationale de France, département Cartes et plans. S.H. Archives N 1.
8. Caveri (Canerio) N.? Vespucci A.? King-Hamy world map, about 1502 // Nansen F. In *Northern Mists. Arctic exploration in early times*: in 2 vol. Vol. 2. London: William Heinemann: MCMXI, 2008. P. 373.
9. Clavus C. [The Nancy map] *Europe Tabula XI*, 1426 // Bibliothèque Municipale de Nancy, reproduction extraite de [La Cosmographie de Claude Ptolémée.]. BmN. Ms 354. fols. 184v–185r.
10. Genoese mappa mundi, 1447, 1457 (?) // Florence, Biblioteca Nazionale Centrale. Port. 1.
11. Germanus H.M. Martellus world map, about 1490 // London, British Library. Add. MS 15760. fols. 68–69r.
12. Germanus, D.N. *Tabula moderna Prussie, Livonie, Norbegie et Gottie*, 1482 // Florence, Biblioteca Medicea Laurenziana. Plut. 30.4. fols. 84v–85r.
13. Hereford mappa mundi, XIII century // Hereford, Hereford Cathedral.

14. Homem, L. [Océan Atlantique Nord-Est et Europe du Nord]. [Atlas nautique du Monde, dit Atlas Miller], feuille 2r, 1519 // Bibliothèque nationale de France, département Cartes et plans. GE DD-683 (2 RES).
15. Jode G. de. Danorum Marchiae Sev Cimbrici Regnum Continentis Iutiae Ducatum ac Codamis Sinus Insulas Chrographica delineatio [Norway & Denmark], 1593 // Российская национальная библиотека. К 0-Мир 7/9. Л. 127. (Speculum orbis terrae).
16. Jode G. de. Septentrionaliu Regionum Suetiae Gothiae Norvegiae Daniae et terrarum adicentium recens exacta que descriptio per Liuinum algoet Auctorem, 1593 // Российская национальная библиотека. К 0-Мир 7/9. Л. 124. (Speculum orbis terrae).
17. Laon globe, 1493 // Paris, Dépôt des planches et cartes de la marine.
18. Magnus J. Scandiniae Insulae Index., 1558 // Collijn I. Sveriges bibliografi intill år 1600: in 4 vol. Vol. 2. 1530–1582. Uppsala: Svenska Litteratursällskapet, 1931. P. 253–255. (Gothorum Sveonumque Historia, En Probatis Antiquorum monumentis Collecta, ...).
19. Magnus O. Historia de gentibus septentrionalibus, Romae 1555 = Description of the northern peoples, Rome 1555: in 3 vol. Vol. 1 / trans. by P. Fisher, H. Higgs. 2nd ed. London: The Hakluyt Society, 1996. 288 p. // Российская национальная библиотека. Мф П-3/58133.
20. Magnus O. Historia de gentibus septentrionalibus, Romae 1555 = Description of the northern peoples, Rome 1555: in 3 vol. Vol. 2 / trans. by P. Fisher, H. Higgs. 2nd ed. London: The Hakluyt Society, 1996. P. 289–770 // Российская национальная библиотека. Мф П-3/58133.
21. Magnus O. Historia de gentibus septentrionalibus, Romae 1555 = Description of the northern peoples, Rome 1555: in 3 vol. Vol. 3 / trans. by P. Fisher, H. Higgs. 2nd ed. London: The Hakluyt Society, 1996. P. 771–1248 // Российская национальная библиотека. Мф П-3/58133.

22. Magnus O. *Histoire des pays septentrionaux* / trad. du latin de l'auteur en François: A Anvers [Antwerpen]: de l'imprimerie de Christophle Plantin, 1561. 264 p. // *Rossica* 13.8.6.130 Аллиг. 1.
23. Magnus O. [Carta Marina] *Carta Marina et descriptio septentrionalium terrarum ac mirabilium rerum in eis contentarum diligentissime elaborata anno dni [domini] 1539*, 1539 // Российская национальная библиотека. К 0-Ск 3/36.
24. Mauro Fra. *Fra Mauro's Mappamundi*, 1459 // Copy of the Fra Mauro Mappamundi by William Frazer: London, Venice, 1804. Manuscript on vellum: BL Add. MS 11267.
25. Mercator G. *Europa, ad Magnae Europae Gerardi Mercatoris [...]*, 1595 // Bricker C., Tooley R.V. *Landmarks of Mapmaking: an illustrated survey of maps and mapmaking*. Oxford: Phaidon Press, 1976. P. 67–70. (*Atlas sive cosmographicae meditationes de fabrica mundi et fabricati figura*).
26. Mercator G. *Scandinavia*, 1595 // Российская национальная библиотека. К 0-Мир 7/10. Л. 74. (*Atlas sive cosmographicae meditationes de fabrica mundi et fabricati figura*).
27. Mercator G. *Septentrionalium Terrarum description*, 1595 // Российская национальная библиотека. К 0-Мир 7/10. Л. 13. (*Atlas sive cosmographicae meditationes de fabrica mundi et fabricati figura*).
28. Münster S. *Gemeine beschreibung aller Mitnächtigen Länder [...]*, 1546 // James Ford Bell Library, University of Minnesota.
29. Münster S. *General tafel, begreifend der gantzen vndern weldt beschreibung*, 1540 // Ginsberg W.B. *Printed maps of Scandinavia and the Arctic, 1482–1601*. New York: Septentrionalium Press, 2006. P. 48. (*Typus Orbis Univeralis*).
30. Münster S. *Schonlandia XIII Nova Tabula*, 1540 // Ginsberg W.B. *Printed maps of Scandinavia and the Arctic, 1482–1601*. New York: Septentrionalium Press, 2006. P. 45. (*Typus Orbis Univeralis*).

31. Münster S. *Septentrionales regiones XVIII no tab.*, 1544 // Ginsberg W.B. Printed maps of Scandinavia and the Arctic, 1482–1601. New York: Septentrionalium Press, 2006. P. 48. (*Typus Orbis Universalis*).
32. Münster S. *Typus Orbis Universalis*, 1550 // Library of Congress. Geography and Map Division. Washington, D.C. 20540-4650 USA dcu.
33. Noha P. de. *Pirrus de Noha World Map*, 1414 (?) // Rome, Biblioteca Apostolica Vaticana, Archivio di San Pietro. H. 31. fol. 8r.
34. Ortelius A. [Europe], 1570 // Российская национальная библиотека. К 0-Мир 7/11. Л. 21. (*Theatrum Orbis Terrarum*).
35. Ortelius A. *Septentrionalium Regionum Descrip.*, 1570 // Российская национальная библиотека. К 0-Мир 7/11. Л. 101. (*Theatrum Orbis Terrarum*).
36. Ortelius A. *Typus Orbis Terrarum*, 1570 // Российская национальная библиотека. К 0-Мир 7/11. Л. 12. (*Theatrum Orbis Terrarum*).
37. Roselli P. *Roselli portolan chart*, 1466 // James Ford Bell Library, University of Minnesota.
38. Ruscelli G. *Septentrionalium partium nova tabula*, 1561 // Lainema M., Nurminen J. *Ultima Thule: Arktiska upptäcktsfärder*. Helsingfors: John Nurminens stiftelse, 2001. P. 98–99.
39. Waldseemüller, M. *Orbis Typus Universalis Iuxta Hydrographorum Traditionem*, 1513 // Nuremberg, John Carter Brown Library. Map Collection. Shelf A513/1.
40. Walsperger A. *Andreas Walsperger's mappa mundi*, 1448 // Rome, Biblioteca Apostolica Vaticana. Pal. Lat. 1362b.
41. Ziegler J. [Schondia] *Octava tabula continent Cheronneesum Schondiam, Regna autem potissima, Norduegiam, Sueciam, Gothiam, Findlandiam, Gentem Laponem*, 1536 // Bibliothèque nationale de France, département Cartes et plans. GE DD-1997 (BIS, RES).

Электронные ресурсы

1. Магнус О. История северных народов [Электронный ресурс] / пер. с лат. Я. Лапатка // Восточная литература. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Olaus_Magnus/per.phtml (дата обращения: 03.04.2021).
2. Мюнстер С. Описание Литвы, Самогитии, России и Московии [Электронный ресурс] / пер. Е. Замысловского // Восточная литература. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus15/Seb_Muenster/text.phtml?id=1497 (дата обращения: 03.04.2021).
3. Benedetto B. Terra de lavoratore, 1537 [Electronic resource]. URL: <https://www.vintage-maps.com/en/antique-maps/america/north-america/bordone-north-america-1528-1565::12248> (accessed: 03.04.2021). ([Isolario] Libro di Benedetto Bordone... de tutte l'isole del mondo...).
4. Bussemacher J. Septentrionalium Regionum Suetiae Gothiae Norvegia Daniae, 1593 [Electronic resource]. URL: <https://www.raremaps.com/gallery/detail/67558/septentrionalium-regionum-suetiae-gothiae-norvegia-daniae-bussemacher> (accessed: 03.04.2021).
5. Camoccio G. F. Accipe Candide lector absolutissimam Septentrionalium Suetiae Gotiae, Norvegiae, Prussiae, Pomeraniae, Ducatus Megapolensis, Frisiae, Geldriae, Altae Marchiae, Lusatiae, adiacentiumque regionum descriptionem. . . Anno MD LXII, 1558 [Electronic resource]. URL: <https://www.raremaps.com/gallery/detail/48348/accipe-candide-lector-absolutissimam-septentrionalium-suetia-camocio> (accessed: 03.04.2021).
6. Canepa A. de. Portolan chart, 1489 [Electronic resource] // University of Minnesota Libraries, James Ford Bell Library. URL: <https://apps.lib.umn.edu/bell/map/PORTO/CAN/canepa.html> (accessed: 03.04.2021).
7. Dzeno N. So-called Dzeno's map, 1558 [Electronic resource]. URL: <http://www.ulfdalir.narod.ru/maps/dzeno.htm> (accessed: 03.04.2021).

8. Favolius H. Septentrionalium regionum descriptio, 1585 [Electronic resource] // University of Minnesota Libraries, James Ford Bell Library. URL: <https://umedia.lib.umn.edu/item/p16022coll251:4758> (accessed: 03.04.2021).
9. Fries L. Tab Nova Nor & Goti, 1522 [Electronic resource]. URL: <http://mappingiceland.com/map/tab-nova-nor-goti/> (accessed: 03.04.2021).
10. Fries L. Tabu. Nova Orbis, 1522 [Electronic resource]. URL: <https://www.vintage-maps.com/en/antique-maps/world-maps/fries-world-maps-1535::833> (accessed: 03.04.2021).
11. Gastaldi G. [Russia, Sweden, Finland, Estonia Latvia and Lithuania], 1562 [Electronic resource]. URL: <https://www.raremaps.com/gallery/detail/36638/russia-sweden-finland-estonia-latvia-and-lithuania-gastaldi> (accessed: 03.04.2021).
12. Gastaldi G. Schonladia Nova, 1548 [Electronic resource]. URL: <http://mappingiceland.com/map/schonladia-nova/> (accessed: 03.04.2021).
13. Magini G.A. Evropa, 1598 [Electronic resource]. URL: <http://mappingiceland.com/map/la-descrittione-del-leuropa/> (accessed: 03.04.2021). (Geografia di Claudio Tolomeo).
14. Magini G.A. Scandia, sive regiones septentrionalis, 1596 [Electronic resource]. URL: <http://mappingiceland.com/map/scandia-sive-regiones-septentrionales/> (accessed: 03.04.2021). (Geographiae Universae).
15. Magnus O. [untitled, Scandinavia], 1567 [Electronic resource] // University of Minnesota Libraries, James Ford Bell Library. URL: https://umedia.lib.umn.edu/item/p16022coll251:4742?facets%5Bformat_name%5D%5B%5D=Maps&page=2&q=scandinavia (accessed: 03.04.2021).
16. Münster S. Gemeine beschreibung aller Mitnächtigen Länder [...], 1588 [Electronic resource]. URL: <http://mappingiceland.com/map/gemeine-geschreibung-aller-aller-mitnachtigen-lander/> (accessed: 03.04.2021). (Typus Orbis Universalis).

17. Münster S. Gotland oder Gothen, 1569 [Electronic resource]. URL: <http://mappingiceland.com/map/gotlandt-oder-goten/> (accessed: 03.04.2021). (Typus Orbis Universalis).
18. Ortelius A. Septentrionalium Regionum Descrip., 1592 [Electronic resource]. URL: <https://www.raremaps.com/gallery/detail/65611/septentrionalium-regionum-descrip-ortelius> (accessed: 03.04.2021). (Theatrum Orbis Terrarum).
19. Ruscelli G. Schonladia nova, 1561 [Electronic resource]. URL: <http://mappingiceland.com/map/schonladia-nova-2/> (accessed: 03.04.2021).
20. Ruysch J. Universalior cogniti orbis tabula, ex recentibus confecta observationibus, 1507 [Electronic resource] // John Carter Brown Library. URL: <https://exhibits.museogalileo.it/waldseemuller/ewal.php?c%5B%5D=38822> (accessed: 03.04.2021). (Geographiae Cl. Ptolomaei ...).
21. Schedel H.? Münzer H.? [untitled, Northern and Central Europe], 1493 [Electronic resource]. URL: <http://mappingiceland.com/map/untitled-northern-and-central-europe/> (accessed: 03.04.2021). (Liber Chronicum).
22. Tramezini M. Septemtrionalium Regionum Suetiae Gothiae Norvegiae Daniae et Terrarum adiacentium recens exactq descriptio . . . MD LVIII, 1558 [Electronic resource]. URL: <https://www.raremaps.com/gallery/detail/51702/septemtrionalium-regionum-suetiae-gothiae-norvegiae-daniae-e-tramezini> (accessed: 03.04.2021).
23. Waghenaeer L.J. Universe Europe Maritime Eiusque Navigationis Descriptio. Generale Pas chaerte van Europa, 1583 [Electronic resource]. URL: <http://mappingiceland.com/map/universe-europe-maritime-eiusque-navigationis-descriptio-generale-pas-chaerte-van-europa/> (accessed: 03.04.2021). (Spiegel der Zeevaerthe).
24. Waldseemüller, M. Orbis typus universalis iuxta hydrographorum traditionem ex actissime depicta, 1522 [Electronic resource] // Houghton Library, Harvard University. URL: <https://exhibits.museogalileo.it/waldseemuller/ewal.php?c>

- %5B%5D=39726 (accessed: 03.04.2021). (C. Ptolomaeus. Geographicae enarrationis libri octo).
25. Waldseemüller, M. Tabula Moderna Norbegie Et Gottie, 1541 [Electronic resource] URL: <https://www.geographicus.com/P/AntiqueMap/NorbegiaGottia-waldseemuller-1541> (accessed: 03.04.2021).
26. Waldseemüller, M. Universalis cosmographia secundum Ptholomaei traditionem et Americi Vespucii alioru[m]que lustrationes, 1507 [Electronic resource] // Library of Congress. URL: www.loc.gov/item/2003626426/ (accessed: 03.04.2021).

Литература

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В.Г. Николаевой. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. 288 с.
2. Багров Л. История картографии / пер. с англ. Н.И. Лисовой. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. 319 с.
3. Басовская Н.И. Воображаемая линия горизонта (грань между внешней и внутренней политикой в средневековом обществе) // Проблемы истории и историографии рабочего движения: сб. ст. / под отв. ред. Д.В. Кухарчук, О.Н. Меликян. М.: ИПРД, 1991. С. 12–22.
4. Белов М.И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. М.: Морской транспорт, 1956. 592 с.
5. Вальдман К.Н. Кольский полуостров на картах XVI в. // Известия Всесоюзного географического общества. 1962. Т. 94, вып. 2. С. 139–149.
6. Вальдман К.Н. Об изображении Белого моря на картах XV–XVII вв. // История географических знаний и открытий на Севере Европы: сб. ст. / под ред. И. П. Шаскольского. Л., 1973. С. 88–108.
7. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / пер. с англ. И. Федюкина. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 560 с.

8. Глазырина Г.В. Исландские викингские саги о северной Руси. М.: Ладомир, 1996. 240 с.
9. Грибок М.В. Анализ формирования образов регионов России в федеральных информационных программах телевидения с помощью ГИС: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М., 2009. 147 с.
10. Гуревич А.Я. Избранные труды. Древние германцы. Викинги. СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 352 с.
11. Джаксон Т.Н. *Austr í Gördum*: древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М.: Языки русской культуры, 2001. 208 с.
12. Джаксон Т.Н. Древняя Русь в скандинавских письменных источниках IX–XIV вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1995. 61 с.
13. Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. 2-е изд. испр. и доп. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2012. 779 с.
14. Джаксон Т.Н. Страна городов и ее столица: Новгород в картине мира средневековых скандинавов // *Slověne*. 2015. N 1. С. 170–179.
15. Джаксон Т.Н. Этот таинственный и загадочный Бьярмаланд // *Отечество. Краеведческий альманах*. М.: Профиздат, 2000. Вып. 19. С. 87–102.
16. Джаксон Т.Н., Коновалова И.Г., Подосиновов А.В. *Imagines mundi*: античность и средневековье. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2013. 424 с.
17. Ельницкий Л.А. Знания древних о северных странах. М.: Государственное издательство географической литературы, 1961. 224 с.
18. Зябловский Е.Ф. Новейшее землеописание Российской империи. СПб: в Типографии И. Глазунова, 1818. 702 с.
19. Корандей Ф.С. Введение в историческую географию. Тюмень: Издательство государственного университета, 2008. 124 с.
20. Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л.: ЛГУ, 1985. 285 с.

21. Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна / пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб: Владимир Даль, 2004. 620 с.
22. Лучицкая С.И. Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб: Алетейя, 2001. 412 с.
23. Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий: в 5 т. Т. 2. Великие географические открытия (конец XV–середина XVII в.). 3-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1983. 399 с.
24. Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения. М.: Наука, 1986. 229 с.
25. Мельникова Е.А. «Мнимые реальности» средневековой географии // Древнейшие государства Восточной Европы: сборник / отв. ред. Т.Н. Джаксон. М.: Восточная литература, 2005. С. 151–164.
26. Мельникова Е.А. Образ мира. Географические представления в Западной и Северной Европе. V–XIV века. М.: Янус-К, 1998. 255 с.
27. Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи: Новые находки и интерпретации. М.: Восточная литература, 2001. 495 с.
28. Митин И.И. Ментальные карты как инструмент комплексного культурно-географического исследования: анализ подходов // Географический вестник. 2018. N 4. С. 21–33.
29. Монтескье Ш.Л. О духе законов / пер. с англ. А. Горнфельда. М.: РИПОЛ классик, 2019. 690 с.
30. Мухаметдинов М.Р. Европы и «Запада» нет // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2015. N 1. С. 88–102.
31. Не только саги...: ранняя история Норвегии в средневековых памятниках / сост. и общ. ред. С.Ю. Агишева. СПб: Наука, 2017. 469 с.
32. Обручев С.В. Русские поморы на Шпицбергене. М.: Наука, 1964. 144 с.
33. Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Северные варвары и северная цивилизация // Нет Севера, а есть Севера: о многообразии понятия «Север» в

- Норвегии и России / под ред. К.А. Мюкленбуста и др. М.: Ленанд, 2016. С. 47–60.
34. Рамсей Р. Открытия, которых никогда не было. М.: Прогресс, 1977. 210 с.
35. Савельева Е.А. Олаус Магнус и его «История северных народов». Л.: Наука, 1983. 135 с.
36. Савельева Е.А. «История северных народов» Олауса Магнуса и ее известия о России: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ленинград, 1974. 14 с.
37. Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб: Русский Мир, 2006. 639 с.
38. Сванидзе А.А. Викинги – люди саги: жизнь и нравы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 800 с.
39. Сванидзе А.А. «Свой» и «чужой» в процессе общественных игр // От Средних веков к Возрождению: сб. в честь профессора Л.М. Брагиной / отв. ред. В.О. Дмитриева. СПб: Алетейя, 2003. С. 180-185.
40. История Европы: в 8 т. Т. 2. Средневековая Европа. М.: Наука, 1992. 808 с.
41. Тацит К. Сочинения в двух томах. Т. 1: Анналы. Малые произведения / пер. А.С. Бобович. Л.: Наука, 1969. 449 с.
42. Тиандер К.Ф. Поездки скандинавов в Белое море. М.: Вече, 2020. 400 с.
43. Федотов В.В. Античная традиция о крайнем севере (проблема Туле) // Вестник Московского Университета. Серия 8. История. 1982. N 5. С. 60–66.
44. Хейвуд Дж. Люди Севера: История викингов, 793–1241. М.: Альпина нон-фикшн, 2019. 452 с.
45. Хенниг Р. Неведомые земли: в 4 т. Т. 3 / пер. с нем. А.В. Лисовской. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. 469 с.
46. Чекин Л.С. Картография христианского средневековья. VIII–XIII вв. М.: Восточная литература, 1999. 366 с.

- 47.Чекин Л.С. «Описание земель», анонимный географический трактат второй половины XIII в. // Средние века. М., 1993. Вып. 56. С. 203–225.
- 48.Чекин Л.С. Образ Севера в картографии европейского средневековья: автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. М., 2002. 52 с.
- 49.Чекин Л.С. Первые карты Скандинавского полуострова // Древнейшие государства Восточной Европы: сборник / отв. ред. Т.Н. Джаксон. М.: Восточная литература, 2001. С. 44–85.
- 50.Шенк Ф.Б. Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе / пер. с нем. А. Жоровой // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. 2001. Вып. 4. С. 4–17.
- 51.Шеффер И. Laponia. Легенды и мифы Древней Лапландии // Живая Арктика. 2008. N 1. С. 1–136.
- 52.Coincidentia oppositorum: от Николая Кузанского к Николаю Бердяеву / отв. ред. О.Э. Душин. СПб: Алетея, 2010. 432 с.
- 53.Balzamo E. The Geopolitical Laplander. From Olaus Magnus to Johannes Schefferus // Journal of northern studies. 2014. Vol. 8 (2). P. 29–43.
- 54.Barton H.A. The Discovery of Norway Abroad, 1760–1905 // Scandinavian Studies. 2007. Vol. 79 (1). P. 25–40.
- 55.Berg G. Olaus Magnus bllder ur de nordiska liv. // Fataburen: Nordiska museets och Skansens årsbok. Stockholm: Nordiska museets förlag, 1934. P. 29–46.
- 56.Bjørnbo, A.A. Cartographia Groenlandica // Meddelelser om Grønland. 1912. N 48. P. 1–332.
- 57.Blanks D.R., Frassetto M. Western Views of Islam in Medieval and Early Modern Europe: Perception of Other. New York: St. Martin's Press, 1999. 169 p.

58. Brincken A.-D. v. d. Fines Terrae. Die Enden der Erde und der vierte Kontinent auf mittelalterlichen Weltkarten. Hannover: Hahnsche Buchhandlung, 1992. 243 p.
59. Bugge P. Asia and the Idea of Europe – Europe and its Others // *Kontur – Tidsskrift for Kulturstudier*. 2000. Vol. 1 (2). P. 3–13.
60. Chartier D. Qu'est-ce que l'imaginaire du Nord?: Principes éthiques. Isberg: Imaginaire Nord, 2018. 162 p.
61. Chartier D. Colours, Lights, Emptiness and Other Discursive Elements. The Colour White, a Sign of the North // *Arctic and Antarctic. International Journal of Circumpolar Sociocultural Issues*. 2007. Vol. 1 (1). P. 39–52.
62. Davidson P. The Idea of North. London: Reaktion Books, 2005. 271 p.
63. Désy J. Le coureur de froid, Montréal: XYZ, 2001. 106 p.
64. Désy J. Voyage au nord du Nord. Québec: Le Loup de Gouttière, 1993. 224 p.
65. Donecker S. The Vagina nationum in the Sixteenth and Seventeenth Centuries: Envisioning the North as a Repository of Migrating Barbarians // *Visions of North in Premodern Europe* / eds. D. Jørgensen, V. Langum. Turnhout: Brepols, 2018. P. 307–328.
66. Downs R.M., Stea D. Cognitive maps and spatial behaviour: process and products // *Image and environment: cognitive mapping and spatial behaviour* / eds. Downs R., Stea D. Chicago: Adline, 1973. P. 6–25.
67. Downs R., Stea D. Maps in minds: reflections on cognitive mapping. New York: Harper and Row, 1977. 284 p.
68. Gautier Dalché P. Tradition et renouvellement dans la representation de l'espace géographique au IX siècle // *Studi Medievali*. 1983. Vol. 24. P. 121–165.
69. Grace, S.E. Canada and the Idea of North. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2002. 342 p.
70. Hamelin L.-E. Écho des pays froids. Sainte-Foy [Québec]: Presses de l'Université Laval, 1996. 482 p.

71. Harley J.B. Deconstructing the map // *Cartographica*. 1989. Vol. 26 (2). P. 1–20.
72. Harley J.B. Maps, knowledge and power // *The Iconography of landscape* / eds. D. Cosgrove, S. Daniels. Cambridge: Cambridge University Press. 1988. P. 277–312.
73. Hart, R.A. and Moore, G.T. The Development of spatial cognition // *Image and environment: cognitive mapping and spatial behaviour* / eds. Downs R., Stea D. Chicago: Adline, 1973. P. 246–288.
74. Henningsen B. Die schwedische Konstruktion einer nordischen Identität durch Olof Rudbeck. Berlin: Humboldt Universität, 1997. 40 p.
75. Iceland and images of the North / eds. S.R. Ísleifsson, D. Chartier. Québec: Presses de l'Université du Québec, 2011. 628 p.
76. Kaplan S. Cognitive maps in perception and thought // *Image and environment: cognitive mapping and spatial behaviour* / eds. Downs R., Stea D. Chicago: Adline, 1973. P. 63–78.
77. Kedwards D. Iceland, Thule, and the Tilensian precedent in Medieval Historiography // *Arkiv for Nordisk Filologi*. 2015. Vol. 130. P. 57–78.
78. Klinghoffer A.J. The power of projections: how maps reflect global politics and history. Westport; Connecticut; London: Praeger, 2006. 192 p.
79. Nansen F. In Northern mists. Arctic exploration in early times: in 2 vol. Vol. 2. London: William Heinemann: MCMXI, 2008. 416 p.
80. Neville K. The land of the Goths and Vandals: the visual presentation of Gothicism at the Swedish Court, 1550–1700 // *Renaissance Studies*. 2013. Vol. 27 (3). P. 435–459.
81. Oliver J., Curtis N. Placing the North // *Historical Archaeology*. 2015. Vol. 49 (3). P. 7–20.
82. Richter H. Olaus Magnus Carta marina 1539. Lund: Almqvist & Wiksell, 1967. 194 p.

83. Rolley de T.M. Putting the Devil on the map: Demonology and Cosmography in the Renaissance // Boundaries, extents, and circulations: Space and spatiality in early modern philosophy / eds. K. Vermeir, J. Regier. 1st ed. Cham: Springer, 2016. P. 179–207.
84. Seaver K. A. «Pygmies» of the Far North // Journal of World History: official journal of the World History Association. 2008. Vol. 19 (1). P. 63–87.
85. Sigurdsson H. Some Landmarks in Icelandic Cartography down to the End of the Sixteenth Century // Arctic. 1984. Vol. 37 (4). P. 389–401.
86. Spies M. Arctic Routes to Fabled Lands: Olivier Brunel and the passage to China and Cathay in the sixteenth century. Amsterdam: Amsterdam University Press, 1997. 168 p.
87. Stadius P. The North in European Mental Mapping Tradition // Нет Севера, а есть Севера: о многообразии понятия «Север» в Норвегии и России / под ред. К.А. Мюкленбуста и др. М.: Ленанд, 2016. С. 61–69.
88. Sudas I., Gokten C. Cognitive maps of Europe: geographical knowledge of Turkish geography students // European Journal of European Geographers. 2012. Vol. 3 (1). P. 41–56.
89. Weinstock J. The Role of Skis and Skiing in the Settlement of Early Scandinavia // The Northern Review. 2005. N 25/26. P. 172–196.
90. Wright J. K. The Geographical Lore of the Time of the Crusades. A Study in the History of Medieval Science and Tradition in Western Europe. New York: American geographical society, 1925. 563 p.
91. Zacharasiewicz, W. The Theory of Climate and the North in Anglophone Literatures // Images of the North. Histories – Identities – Ideas / eds. S. Jakobsson. Amsterdam; New York: Rodopi, 2009. P. 25–49.

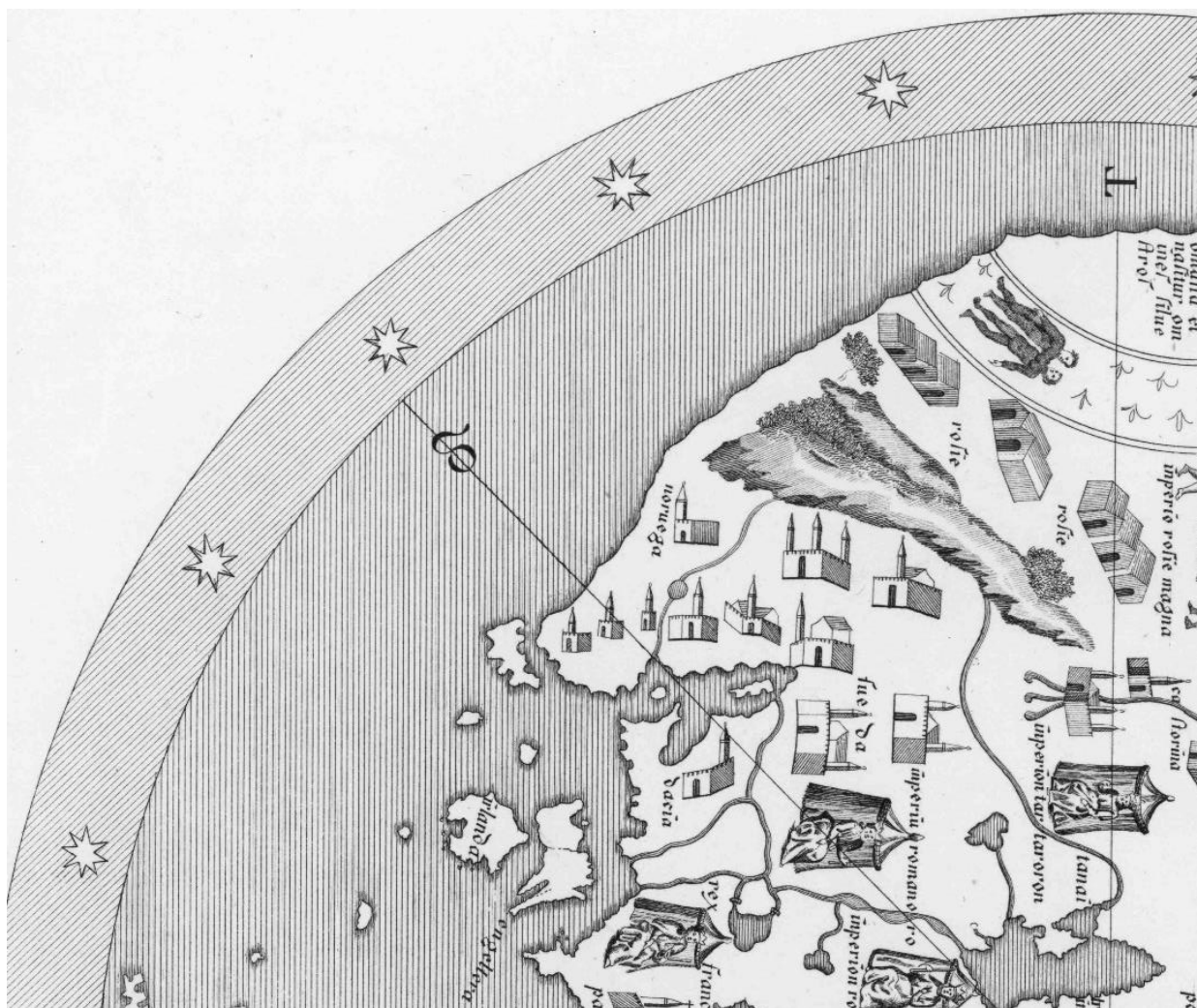

Рис. 8. Andrea Bianco's World Map, 1436

Фрагмент мировой карты с изображением Скандинавского полуострова.

Первая модель.

URL: <http://history-maps.ru/pictures/max/0/133.jpg>

Рис. 9. Tabula Moderna Norbergie Et Gottie (Martin Waldseemüller, 1541)

Фрагмент карты Скандинавского полуострова. Вторая модель.

URL: <https://www.geographicus.com/P/AntiqueMap/NorbergiaGottia-waldseemuller-1541>

Рис. 11. Европа (Giovanni Antonio Magini, 1598)
 Фрагмент карты с изображением Скандинавского полуострова.
 Четвертая модель.
 URL: <http://mappingiceland.com/map/la-descrittione-del-leuropa/>